

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2022

№ 24

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
Е.В. Иванцова (Томск, Россия) – зам. председателя
С.С. Земичева (Томск, Россия) – отв. секретарь
В.Ю. Апресян (Москва, Россия)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

С.А. Мызников
(Москва, Россия)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

О.В. Фельде (Красноярск, Россия)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)

Е.А. Юрина (Москва, Россия)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson
Svetlana S. Zemicheva (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Valentina Yu. Apresyan (Moscow, Russia)

Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

Sergey A. Myznikov
(Moscow, Russia)

Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)

Yelena A. Yurina (Moscow, Russia)

Iona Janyšková (Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Богуславская В.В., Будник Е.А., Мамонтов А.С., Чинь Тхи Ким Нгок. Национально-ориентированная лексикография и обучение русскому как иностранному	5
Васильева Н.М. Орфографические словари якутского языка: становление и современное состояние	30
Ильина Е.Н., Ганичева С.А. Мультимедийная электронная система «Говор северной деревни» как основа создания диалектных словарей	51
Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Русские пословицы в лингвоаксиологической и лексикографической интерпретации: традиции и инновации	70
Черняк В.Д., Сидоренко К.П., Носова Е.П. Прецедентные феномены из детской литературы и их лексикографическое описание	93

CONTENTS

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Boguslavskaya V.V., Budnik E.A., Mamontov A.S., Trinh Thi Kim Ngoc. Nationally oriented lexicography and RFL training	5
Vasilyeva N.M. Spelling dictionaries of the Yakut language: Formation and current state	30
Ilyina E.N., Ganitcheva S.A. The Dialect of the Northern Village multimedia electronic system as the basis for the creation of dialect dictionaries	51
Nikitina T.G., Rogaleva E.I. Russian proverbs in linguo-axiological and lexicographic interpretation: Traditions and innovations	70
Cherniak V.D., Sidorenko K.P., Nosova E.P. Precedent phenomena from children's literature and their lexicographic description	93

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья
УДК 81'374
doi: 10.17223/22274200/24/1

Национально-ориентированная лексикография и обучение русскому как иностранному

Вера Васильевна Богуславская¹,
Екатерина Александровна Будник²,
Александр Степанович Мамонтов³, Чинь Тхи Ким Нгок⁴

^{1,3} Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия

⁴ Институт человековедения, Вьетнамская академия общественных наук,
Ханой, Вьетнам

¹ boguslavskaya@gmail.com

² ebudnik11@gmail.com

³ as-mamontov2@yandex.ru

⁴ ngocha098@gmail.com

Аннотация. Рассматривается и осмысливается лингвострановедческая и национально-ориентированная учебная лексикография, связанная с созданием лингвострановедческого словаря для изучающих русский язык как иностранный граждан Вьетнама. Данный словарь, по замыслу разработчиков его концепции, ориентируется в основном на нефилологическую аудиторию. Авторами приводится пример рассмотрения на фоне вьетнамской лингвокультуры концепта «семья», входящего в базовую систему ценностей носителей русского языка и культуры.

Ключевые слова: национально-ориентированное обучение, учебная лексикография, лингвострановедческий словарь, контрастивная семантика, идеографическая классификация, вьетнамцы, русские, ассоциативный эксперимент

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-512-92001 «Разработка концепции лингвострановедческого национально-ориентированного учебного словаря русского языка для вьетнамских граждан».

Для цитирования: Богуславская В.В., Будник Е.А., Мамонтов А.С., Чинь Тхи Ким Нгок. Национально-ориентированная лексикография и обучение русскому как иностранному // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 5–29. doi: 10.17223/22274200/24/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/24/1

Nationally oriented lexicography and RFL training

Vera V. Boguslavskaya¹, Ekaterina A. Budnik²,
Aleksandr S. Mamontov³, Trinh Thi Kim Ngoc⁴

^{1,3} *Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia*

² *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

⁴ *Central National Front of Vietnam for Cultural and Social Affairs, Hanoi, Vietnam*

¹ *boguslavskaya@gmail.com*

² *ebudnik11@gmail.com*

³ *as-mamontov2@yandex.ru*

⁴ *ngocha098@gmail.com*

Abstract. The article presents the description and comprehension of the experience of developments in the field of linguistic and regional studies and nationally oriented educational lexicography. The latter is based on the ideas of nationally oriented education and associated with the creation of a linguistic-cultural dictionary for citizens of Vietnam who study Russian as a foreign language. Today's reality is considered to be largely aimed at purely applied aspects of knowledge, including in teaching foreign languages and, in particular, Russian as a foreign language (RFL). In this regard, dictionaries are becoming very significant, among which a special place belongs to the so-called “linguocultural dictionary”, which has a relatively recent history of use. Information obtained with the help of such lexicographic sources contributed and contributes to students' deeper understanding of Russian in real situations. But, since a foreigner “in general” does not exist in nature, the so-called “nationally oriented education”, learning with regard to the national culture of the addressee, becomes more and more relevant. Nationally oriented education implies optimiz-

ing the teaching of a specific foreigner the ability to communicate primarily with a native representative of the Russian language and culture, i.e. teaching Russian not just as a foreign language, but as a means of intercultural communication. In this regard, a group of employees of the Pushkin State Russian Language Institute, the authors of this article, together with foreign partners, began to create a concept for a linguo-cultural learner's dictionary of the so-called "active" type, intended for the Vietnamese audience. This dictionary, as conceived by the developers of the concept, will be focused mainly on a non-philological audience that will be able to use the relevant information in communication with Russian-speaking partners in business, joint production, etc. As an example, against the background of the Vietnamese linguistic culture, the concept "family" is considered. This concept is part of the basic system of values of the native representatives of the Russian language and culture and in the future nationally oriented linguo-cultural dictionary intended for the Vietnamese audience.

Keywords: nationally oriented learning, educational lexicography, linguo-cultural dictionary, contrastive semantics, ideographic classification, Vietnamese, Russians, associative experiment

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation for Basic Research, Project No. 20-512-92001.

For citation: Boguslavskaya, V.V., Budnik, E.A., Mamontov, A.S. & Trinh Thi Kim Ngoc (2022). Nationally oriented lexicography and RFL training. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 24. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/24/1

Введение

Полагаем, что ни для кого не секрет – изучающему иностранный язык как средство коммуникации, а точнее, как средство межкультурной коммуникации, сложно обойти трудности, с которыми приходится сталкиваться во время учебного процесса. Помощь в их преодолении призвана оказать лексикография особого типа – так называемая национально-ориентированная лингвострановедческая учебная лексикография, берущаяся обеспечить создание нового вида словаря: последний обязан учитывать особенности родной культуры адресата обучения. Данный факт, по мнению специалистов, способен самым положительным образом оказывать своё влияние на эффективность процесса обучения. В то же время она инициирует решение задач, связанных с описанием тех отражённых в языке взаимоотношений, что существуют между языком и культурой и должны найти своё место в словаре, ори-

ентированном на учёт специфики родной культуры адресата обучения – важного лингвометодического принципа [1. С. 76].

Национально-ориентированное обучение – это феномен отнюдь не новый для специалистов в области обучения русскому как иностранному (РКИ) [2. С. 158], и не только для них. Широкое распространение, в частности, английского языка, принёсшего ему статус мирового, имеет достаточно богатый опыт: это и Индия, и страны Африки со своим национальным колоритом и т.д. [3].

Нельзя не вспомнить опыт подобного обучения в советское время: труды В.Н. Вагнера [4], предложившего методику учёта национально-языковой специфики восприятия и усвоения русского языка учащимися конкретного национального контингента при отборе, организации, изложении и закреплении учебного материала. При этом значимым, с нашей точки зрения, следует считать то, что предлагаемая лингводидактическая концепция зиждется на данных смежных дисциплин – лингвистики и психолингвистики, а главное – инструментом исследовательской парадигмы выступает принцип (метод) сопоставления, хотя и не совсем в интересующем нас аспекте.

Необходимость обращения не только к родному языку, но и к родной культуре обучающихся наиболее релевантно продекларирована в трудах О.Д. Митрофановой и В.Г. Костомарова [5. С. 130–131], где они проводят мысль о том, что необходимо учитывать специфику родной культуры адресата обучения и что делать это надо на основе сопоставительной лингвострановедческой работы, позволяющей, в частности, на уровне лексики устанавливать понятийно-эквивалентные, понятийно-безэквивалентные и фоново неполноэквивалентные лексические группы, решать вопросы об организации и способах ознакомления с нею в процессе обучения конкретных лингвокультурных групп, тем самым предупреждая процесс интерференции.

Аналогичные мысли можно встретить и в трудах В.В. Сафоновой [6], А.С. Мамонтова [7], С.Г. Тер-Минасовой [8], а в более позднее время – в трудах И.Е. Бобрышевой [9], Т.М. Балыхиной [10], О.П. Быковой [11] и др.

Следует отметить, что формат рассматриваемой в данной статье исследовательской парадигмы не является случайным: в основу легли многолетние научно-методические разыскания, осуществлённые нами в разные годы, начиная непосредственно с 1975 г., как в Социалистической Республике Вьетнам (метод включённого наблюдения) и в

СССР [12], так и – с 1991 г. – в России. Они посвящены сопоставительному этнопсихолингвистическому анализу семантики номинативных единиц двух языков – русского и вьетнамского: исследовательский материал был получен нами, нашими учениками и последователями в процессе обучения РКИ представителей вьетнамской лингвокультуры разных профилей подготовки.

Национально-ориентированное обучение как аспект лингвокультурологии

Имеющие опыт работы в различных национальных аудиториях, специалисты в области обучения русскому языку как иностранному знают, сколь важен учёт этнокультурного фактора, поскольку обучать будущего билингва-араба, «вторичную языковую личность», – это не то же, что обучать представителя англосаксонской культуры. Специфика этнического сознания адресата обучения способна накладывать и накладывает свой отпечаток на процесс овладения новым языковым и культурным кодами, особенно в условиях отсутствия языковой среды. А стало быть, необходим соответствующий инструментарий, обеспечивающий принцип учёта особенностей родной культуры инофона. Возникает вопрос: какое же место занимает здесь лингвокультурология?

Если принять во внимание, что обучение любому языку и культуре иностранца с целью формирования умений и навыков дальнейшего общения на нём с носителем данного языка – это одна из форм межкультурной коммуникации, а лингвокультурологией в широком смысле считать дисциплину, в рамках которой «утвердилась идея о синкретическом единстве языка и культуры» [13. С. 4], то роль лингвокультурологии, активно развивающегося направления на стыке смежных научных дисциплин, на наш взгляд, трудно переоценить. На сегодняшний день в её активе – солидные запасы верифицированной, в первую очередь опытным, в том числе экспериментальным путём, информации. Последняя не может не вызывать интереса у лингводидактики, которая во главу угла ставит задачу обеспечения максимальной эффективности процесса обучения инофона другому языку как средству межкультурного общения. Практика показывает: адекватное овладение навыками и умениями во всех видах речевой деятельности (говорении, аудировании, чтении и письме (письменной

речи) на иностранном языке не обеспечивает автоматически способности к общению на данном языке. Поэтому как нельзя злободневно выглядит мысль о том, что успех в нём напрямую зависит от уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетенции [14. С. 256].

Необходимо подчеркнуть, что в интересующем нас аспекте мы имеем дело с иным, так называемым образовательным пространством, под которым понимается среда, «включающая набор условий, влияющих на образование» [11. С. 14–15]. Она, согласно мнению исследователей, содержит особенности исторического развития, а также географического положения, особенности национальной культуры, куда следует отнести особенности национального менталитета: склад мышления, своеобразие концептосферы, включающей национально-культурно маркированные концепты, связанные как с материальной, так и духовной культурой.

Весьма важной рекомендацией следует считать критерий дистантности лингвокультур по отношению друг к другу и в связи с этим иметь в виду ещё одну весьма важную, на наш взгляд, проблему, хотя и дискуссионного во многом характера, – деление сознания на два типа: «европейское» и «ориентальное», восходящее к трудам видного отечественного психолингвиста Юрия Александровича Сорокина, чьим последователем мы можем с чувством удовлетворения себя считать, тем более что имеем дело с ориентальной, вьетнамской лингвокультурой. В целом же исследования, проведённые Ю.А. Сорокиным и его единомышленниками, способны вызвать интерес у тех, кто связан с обучением русскому языку как средству межкультурной коммуникации помимо Вьетнама представителей и других восточных стран. В девяти тезисах излагаются особенности мировосприятия и ценностных ориентаций по линии Запад – Восток, где, например, европейский тип сознания выступает как рационалистический и экстравертивный, а ориентальный – как антирационалистический, интравертивный; утверждается, что европейский тип сознания – экофобен, тогда как ориентальный – экофилен и т.д. и т.п. [15]. Необходимо подчеркнуть, что для тех, кто осуществляет свою деятельность в русле национально-ориентированного обучения другому языку представителей инолингвокультуры, наиболее значимым является утверждение учёного о том, что вышеназванные типы сознания суть две системы, факт, обуславливающий понимание: переход из одной системы в дру-

гию – не автоматический процесс, а адаптация к иной системе мировоззренческих координат, где особую роль играет языковое их воплощение.

В лингводидактическом плане речь должна идти о том, что перед любым преподавателем РКИ, работающим в инолингвокультурной среде, неизменно встанёт вопрос использования конкретного учебного материала, например, вопрос о том, в какой степени та или иная языковая единица является репрезентативной в отношении ментальных стереотипов, поведенческих моделей и т.п., необходимых для усвоения инофоном, при этом наиболее значимая роль должна отводиться экспликации культурного компонента изучаемой единицы – для нас, в первую очередь, лексической, наиболее содержательно отражающей предмет обозначенного исследовательского интереса, с помощью существующих средств обучения, где особое место принадлежит лингвострановедческому словарю. Переходим к рассмотрению данного феномена.

Лингвострановедческая лексикография

Позволим себе напомнить: современная научная мысль самым тесным образом в своём развитии связана с антропоцентрической тенденцией и когнитивным подходом к языку. Иными словами, речь идёт, как считают исследователи, об обращении к человеку как носителю данного языка и культуры [16. С. 208–210]. Соответственно, современная русская лексикография – как теоретическая, так и прикладная – не могла проигнорировать соответствующий вызов, что нашло своё отражение в словарном деле, как бы напоминая о том, что ни одна другая наука не сумела превзойти её по количеству и качеству полученных результатов – коммуникативно и социально значимых. Поэтому не случайно в унисон вышесказанному звучат слова одного из «столпов» современной лексикографии Валерия Вениаминовича Морковкина, совершенно справедливо, на наш взгляд, утверждавшего, что лексикография представляет собой единственную языковедческую дисциплину, которую можно охарактеризовать следующим образом: «служба общения между лингвистикой, являющейся наукой о языке, и обществом, заинтересованным в познании языка, а словарная продукция – как главное, чем лингвистика отчитывается перед обществом» [17. С. 33].

Таким образом, конец XX и первые два десятилетия XXI в. могут считаться знаменательными для отечественной лексикографической

мысли активным обращением к исследованию лингвистических явлений в экстралингвистическом аспекте. Это – изучение культурного компонента семантики, природы фоновых знаний, особенностей их функционирования в соответствующих лингвокультурах. И здесь особое место занимает так называемое лингвострановедческое направление, возникшее применительно к обучению русскому языку как иностранному в 1970-е гг. в стенах Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина при самом активном непосредственном участии В.В. Морковкина.

Следует подчеркнуть, что круг проблем лингвострановедческой учебной лексикографии связан одновременно и с лингвистикой, и с лингводидактикой. В лингвистическом аспекте речь идёт об изучении семантики номинативных единиц в целях экспликации её культурного компонента. При этом объектом рассмотрения становится безэквивалентная, коннотативная и фоновая лексика и, соответственно, фоновые знания, обуславливающие речевую коммуникацию, а также тесно связанные с фоновыми знаниями фразеология и афористика, отражающие национально-культурную специфику конкретного социума и, что особенно значимо для нас в плане работы над концепцией словаря для вьетнамских учащихся, характеризующиеся свойством прецедентности. Что же касается лингводидактической стороны, то она касается проблем организации обучения языковому материалу, отмеченному национально-культурной маркированностью.

Обращает на себя внимание то, что, предположительно, некоторая часть фоновых знаний, функционирующих в русской лингвокультуре, сопутствующих номинативным единицам языка, относительно инолингвокультур не только не описана, но и не определена: по всей вероятности, играет роль критерий очевидности подобных знаний для их носителей. Здесь более активным звеном способен выступать инофон, правда, при этом имеют место его объективно ограниченные возможности. Следовательно, нельзя не согласиться с мнением – и данная сентенция также крайне важна для нас, – утверждающим, что фоновые знания, сопряжённые с лексическими единицами, могут быть выделены лишь при сопоставлении «своего» и «чужого» [18. С. 47]. Как известно, лексические фоны слов контактирующих друг с другом языков далеко не всегда можно считать эквивалентными: одновременно можно говорить и об относительности понятия «фоновость» [7], то же самое касается явления безэквивалентности и фено-

мена коннотативности. Для проводимых нами исследований особо значимым является то, что упомянутые слова, являясь своего рода «хранилищем» национально-культурной семантики, представляют собой важное звено в процессе межкультурной коммуникации. Что же касается места данной лексики в русском языке, то доля безэквивалентных слов в процентном отношении мала: исследователи оценивают её в 6–7% от общего количества употребляемых в языке слов; фоновая лексика гораздо более представительна – по их мнению, каждое второе русскоязычное слово отличается своим лексическим фоном от иноязычного эквивалента [19. С. 51]. Ещё раз подчеркнём: приведённые выше данные не абсолютны, а относительны и способны разниться от лингвокультуры к лингвокультуре.

Воплощать идеи, связанные с процессом обучения инофона, его аккультурации, призван лингвострановедческий учебный словарь – словарь, в котором в качестве средства семантизации лексической единицы используется толкование её номинативного содержания наряду с процедурой изъяснения её фоновой, латентной семантики, представляющей особую значимость для учащегося-иностранца и не находящей места в большинстве существующих словарей, которыми он традиционно привык пользоваться. Отметим, лингвострановедческая семантизация схожа с описаниями, представленными в энциклопедиях, однако различается своей направленностью: она не имеет строгого научного характера и соответствующих формулировок, а основана на так называемых взвешенных фоновых знаниях, имеющих у так называемого, в терминах социологии, «среднестатистического» русского. Ср.: «Ромашка – род однолетних трав семейства сложноцветных. Ок. 50 видов... Р. аптечная лекарств. растение (потогонное, антисептич. и вяжущее средство)...» [20. С. 1132]. В большинстве своём для «среднестатистического» русского, с точки зрения фоновых знаний, в первую очередь характерно восприятие ромашки как цветка с белыми лепестками и жёлтой серединой, растущего в полях и садах (полевая, садовая ромашка), придавая нарядный вид; цветок, на котором порой гадают (гадать на ромашке) и из которого традиционно в качестве своеобразного летнего развлечения принято плести венки, надеваемые затем на голову, и т.д. и т.п. [21].

Касаясь лингвострановедческих словарей, созданных силами отечественных специалистов-лексикографов и методистов, в том числе сотрудников Государственного института русского языка (Гос. ИРЯ) им.

А.С. Пушкина, адресованных изучающим РКИ, назовём некоторые из них: это словари М.А. Денисовой [22], В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова [23], Т.Н. Чернявской [24]. Отдельно следует упомянуть ещё один лингвострановедческий словарь: «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» [21], имеющий электронную версию. Именно его словник представляет собой некий инвариант для отбора лексических единиц словника для национально-ориентированного лингвострановедческого учебного словаря (НОЛУС), над созданием концепции которого работает коллектив авторов данной статьи и речь о котором пойдёт ниже.

Также считаем необходимым упомянуть двуязычные лингвострановедческие словари, ориентированные на обучение другим языкам: английскому, французскому, испанскому, немецкому [25–30] и др.

Процедура формирования словника лингвострановедческого словаря традиционно основана на принципе учебно-методической целесообразности, подразумевающим включение в словарь лексики с культурным компонентом, обладающей признаком актуальности для процесса общения иностранца любой национальной принадлежности с носителем русского языка и культуры [31. С. 167]. Источниками материала при этом являются прежде всего существующие филологические словари: толковые и толково-семантические, а также пособия по переводу и переводоведению, хрестоматии для студентов-иностранцев и пр. Фактор национальной культуры адресата в подобном «общего типа» лингвострановедческом словаре не учитывается.

Национально-ориентированный лингвострановедческий учебный словарь (НОЛУС)

В основе разрабатываемой нами концепции национально-ориентированного учебного словаря для вьетнамских граждан лежит идея о том, что учёт специфики национальной культуры адресата при обучении иностранному языку – важнейшая методическая категория, о которой речь шла выше, – должен быть распространён и на область учебной лексикографии, самым активным образом участвующей в формировании навыков и умений в речевой деятельности и межкультурной коммуникативной компетенции. Данная идея нашла своё отражение, в частности, в трудах, посвящённых обучению русскому языку как средству межкультурной коммуникации монгольских студентов-филологов [32, 33] и др.

В своей лингвистической части концепция опирается на наши собственные, основанные на вьетнамском материале, исследования в области контрастивной семасиологии, базовым принципом которой, как известно, следует считать сопоставление лексических систем, представляющих собой специфическое отражение объективной действительности, а критерием – «измерение» с опорой на когнитивную систему, где важнейшую роль играет фактор национального своеобразия, восходящий главным образом к специфике условий жизни представителей разных народов, иными словами – к культуре. Попутно нельзя не отметить, что нередко особое внимание исследователей привлекают латентные компоненты лексической семантики, поскольку, как показывает практика, именно в периферийных областях следует искать семы, участвующие во вторичной номинации, создающей, в частности, образность и выразительность художественного текста. Ср.: *«тропическая» рубашка – яркая, цветастая, бросающаяся* (для русского узуса); *хлопчатобумажная «bông», белая «trắng»* (для вьетнамского) [34].

Будущий словарь, по замыслу разработчиков концепции, должен представлять собой словарь так называемого активного типа, ответственного в первую очередь за речепорождение иностранца, вступающего в процесс коммуникации с носителем изучаемого им языка и культуры. Это позволяет говорить о том, что содержание словаря определяется историко-культурным фоном [35] и одновременно использованием представленного в словнике лексического материала в конкретном общении представителей двух лингвокультур: русской и вьетнамской. Необходимо отметить, что будущий словарь будет строиться на идеографической основе, о чём речь пойдёт далее.

Для концепции НОЛУСа крайне важен адекватный лингводидактический подход к отбору содержащегося в нём языкового материала. Нами в своё время были предложены четыре основных критерия национально-ориентированного отбора последнего, а именно: а) типичность; б) коммуникативная ценность; в) страноведческая ценность; г) защищённость от стереотипа [34. С. 151], а также фактор профессиональной подготовки будущего адресата. По замыслу, в словнике найдут место три вида лексики с культурным компонентом по отношению к вьетнамской лингвокультуре:

1. Безэквивалентная.
2. Фоновая.
3. Коннотативная.

Учитывая, что сегодня на первый план у наших зарубежных партнёров выходят сугубо прагматические цели и установки в изучении иностранного языка, а профессиональная филологическая подготовка адресата обучения зачастую уходит на второй план, представляется наиболее целесообразным обращать более пристальное внимание на тех, кто заинтересован в прикладном характере полученных знаний, обеспечивающих возможность общения в сфере бизнеса, туризма, совместной добычи полезных ископаемых и т.д., иными словами – на нефилологическую аудиторию владеющих русским языком как средством межкультурной коммуникации.

Для данной аудитории крайне важен тесный, доверительный контакт с носителями русского языка и культуры, что помимо овладения фоновыми знаниями, сопряжёнными с лексикой культурным компонентом, во многом определяется способностью к коммуникации с использованием русских прецедентных фраз разного типа, например, фразеологизмов, пословиц и поговорок, крылатых фраз из кинофильмов, цитат из популярных книг, рекламных текстов и т.п., также сопряжёнными с фоновыми знаниями.

На первый взгляд, знакомство с подобным материалом в состоянии обеспечивать, например, лингвострановедческий словарь «Россия», однако он не учитывает национальной специфики адресата. К примеру, в нём отсутствуют лексические единицы, которые по отношению к вьетнамским отмечены национально-культурной маркированностью. Ср.: *Да, за это нас (меня, их...) по головке (голове) не погладят!* Русская лексема *голова*, будучи культурно маркированной для вьетнамской лингвокультуры, в семантическом плане находится в определённой оппозиции к *đầu*: во Вьетнаме не принято разрешать трогать голову, поскольку, согласно местным поверьям, считается, что живущий на макушке Будда способен испытать чувство обиды и уйти. Кроме того, лингвострановедческий словарь «Россия» объективно сложен для нефилологической аудитории в силу перегруженности избыточной для неё информацией.

Учитывая специфику аудитории адресата обучения, допускаем использование в эксплицирующей части Словаря родного языка учащихся, но в каком объёме – на сегодня однозначно ответить затруднительно: по объективным причинам мы пока не имеем полноценного непосредственного контакта с интересующим нас контингентом в Социалистической Республике Вьетнам.

Как уже отмечалось, будущий словарь предполагается создать на идеографической основе. Исходя из проведённых нами исследований и исследований наших вьетнамских коллег и партнёров по реализации гранта (по согласованию с ними), считаем наиболее адекватным вариантом создание словника на платформе трёх сфер:

1. Природа.
2. Материальная культура.
3. Духовная культура.

Данные сферы в свою очередь решено подразделяться на классы, например, Природа – «Растения»; «Животные» (названия классов пока условные) и т.д. И если иметь в виду, например, блок «Природа – Растения-Деревья», следует учитывать факт отсутствия конкретных представителей флоры России во вьетнамской лингвокультуре (*клён, рябина* и т.д.) и отдавать предпочтение тем наименованиям представителей флоры, которые в русской картине мира наиболее тесно связаны с традициями и обычаями русского народа, с мифологией, художественной культурой и искусством.

Таким образом, для разрабатываемой нами концепции релевантным представляется положение о том, что обращение к фактам культуры неразрывно связано с одновременным обращением к языковому сознанию и его особенностям [36], как известно, находящим своё отражение в семантике языковых единиц, отбираемых для включения в словник. В свою очередь, данные единицы в значительной своей части представляют собой ключевые концепты. Стремление к оценке действительности с позиции языка выступает в качестве «стержневого» звена для нас, ориентированного на исследование специфики номинативных единиц в аспекте обучения инофона адекватному коммуникативному поведению [37]. Так, «статус» отбираемых нами единиц для НОЛУСа диктует необходимость обращения к данным аксиологической лингвистики [35] и одновременно к такой категории, как «оценочность», т.е. обращение к представлению о ценности объекта именования [38], функционирующему в лингвокультуре и зачастую национально-культурно маркируемому. Но особо значимым следует, на наш взгляд, считать то, что лингвострановедческий словарь (в силу своей специфики) основывается не на упорядоченном отборе и презентации того, что объективно существует, а на отборе того, что при этом обладает для межкультурной коммуникации наибольшим ценностным «удельным весом».

Ассоциативный эксперимент как один из способов верификации: специфика, процедура, результаты, выводы

Национально-ориентированная лингвострановедческая учебная лексикография требует обращения к экспериментальным процедурам, среди которых одно из центральных мест занимает ассоциативный эксперимент, но особого толка. Он так же, как и традиционный, направлен на экспликацию национальной специфики в семантике лексических единиц с культурным компонентом, однако его цель – уточнение, перепроверка данных, полученных в ходе долгосрочного, углублённого, профессионального изучения (наш собственный исследовательский опыт как руководителя проекта равен 45 годам) соответствующего объекта – вьетнамской лингвокультуры в аспекте отражения её особенностей в языковом сознании инофона. Данный метод обеспечивает адекватную возможность «измерения» реально существующих различий в семном лексиконе, поскольку он нацелен на то, чтобы зафиксировать латентные семы, сигнализирующие о наличии национально-культурной маркированности.

В качестве примера предлагаем ознакомиться с фрагментом эксперимента на материале слов *семья* и *gia đình*, выбранных не случайно: данные концепты представляют собой вербальное отражение одной из универсальных ценностей, а значит, и основных ценностей как русской [39], так и вьетнамской культуры. Прежде всего нами было определено ассоциативное поле (АП) русской лингвокультуры «семья» как некой «отправной точки» на основе материала «Русского ассоциативного словаря» [40] как наиболее полно дающего представление о специфике языкового и этнического сознания «среднестатистического» русского:

СЕМЬЯ: большая – 82; дружная – 63; дети – 37; дом, моя – 27; и школа – 23; школа – 17; мама – 14; крепкая – 12; счастливая – 11; любовь, распалась, ячейка – 10; муж – 8; очаг, родная – 7; дружба, многодетная, ячейка общества – 6; брак, наша, хорошая – 5; люди, ребенок, родители, семья, тепло – 4; квартира, маленькая, молодая, общество, родня – 3; Адамсов, благополучная, будущее, веселая, военнослужащего, друг, друга, дружный, жена, здоровая, и дети, крепость, круг, мать, много, мы, неполная, плохая, полная, радость, развод, скамья, счастье, хорошо, художников, человека, я, три человека – 2. Исходя из целей и задач проводимого нами исследования, мы посчитали

целесообразным оставить лишь те полученные данные, где ассоциативные реакции принадлежат не менее чем двум испытуемым. То же самое касается и вьетнамских респондентов.

Приводим полное структурное описание проведённой процедуры с участием вьетнамской стороны:

1. Цель. Экспликация специфики семантики номинативной единицы вьетнамского языка *gia đình*.

2. Гипотеза. Семантическое содержание единицы вьетнамского языка может не совпадать с соответствующим элементом на русском.

3. Методика эксперимента. Была отобрана единица вьетнамского языка *gia đình* как одна из наиболее релевантных для целей нашего исследования. Данная единица подлежала предъявлению респондентам в ходе эксперимента.

4. Испытуемые. АП *gia đình* получено в ходе серии экспериментов, проведённых нами в 2006–2007 гг. в Хошиминском университете иностранных языков. Испытуемые – студенты филологического профиля (3, 4, 5-й курсы), общее количество – 100 человек представителей мужского и женского пола.

5. Ход эксперимента. Экспериментатор в устной форме предъявлял респондентам слово-стимул, а каждый из них на отдельном бумажном носителе обязан был, согласно инструкции, рядом с соответствующим словом написать первое пришедшее ему в голову слово на родном языке.

6. Результаты эксперимента.

Gia đình – семья – *niềm hạnh phúc* – счастье – 60; *một cuộc sống* – жизнь – 42; *vui sướng* – радость – 31; *yêu và quý* – любовь – 25; *của tôi* – моя – 23; *quan tâm* – забота – 18; *mạnh* – крепкая – 15; *cha* – отец – 13; *nhật* – теплота – 10; *căn nhà* – дом – 8; *bọn trẻ* – дети – 7; *bảo vệ* – защищать – 5; *tiền bạc* – деньги – 4; *tin cậy lẫn nhau* – взаимодействие – 3; *siêu* – смеяться – 2.

7. Исследование полученных результатов. Сравнивая ядро языкового сознания представителей русской и вьетнамской лингвокультур относительно концептов *семья* и *gia đình*, мы зафиксировали следующие особенности. Так, в русском ассоциативном ряду больше всего слов-ассоциатов принадлежит понятиям *большой* (82) и *дружный* (63), во вьетнамском – *niềm hạnh phúc* – счастье – 60 и *một cuộc sống* – жизнь – 42. Соответственно, в русскоязычном АП ассоциат *счастье* находится на последнем месте: 2 респондента. Оценивая

объективное состояние дел, допустимо предположить, что вышеназванные ассоциаты являются отражением социальных ориентиров, проникающих в сознание, в частности, через средства массовой информации в силу сложившейся ситуации: как известно, в России достаточно остро стоит проблема рождаемости и сохранения семьи. Одно из наиболее частотных пожеланий во время свадебной процедуры – это пожелание *Живите дружно!* одновременно с пожеланием иметь побольше детей, т.е. большой семьи.

Во вьетнамском ассоциативном ряду мы наблюдаем иную картину: отсутствие ассоциата *lớn* – *большой*, скорее всего, обусловлено тем, что другой вьетнамцы себе попросту не представляют: во Вьетнаме семьей, как правило, считают, причём не номинально, а реально, всех ближайших родственников; в то же время уже не один десяток лет во Вьетнаме проводится инициированная государством политика ограничения рождаемости. Что же касается ассоциата *thân thiện* – *дружный*, то, скорее всего, представитель вьетнамской лингвокультуры попросту не осознаёт значимости данного феномена: понятие *жить дружно* в семье для вьетнамца так же естественно, как, к примеру, дышать. Здесь развод считается позором, и отсутствие слова-ассоциата *ly hôn* – *развод* красноречиво говорит само за себя – в противовес русскоязычному ассоциативному полю (ассоциат *распалась* – 10). Отсутствие семьи, если вам за 30 лет, считается несчастьем (соответственно, данный ассоциат во вьетнамском АП отсутствует), а вот каждодневным счастьем, без которого невозможна человеческая жизнь, является именно семья. И это видно на примерах вьетнамских слов-ассоциатов.

Обращает на себя внимание то, что и в русском, и во вьетнамском АП представлен ассоциат *дети*, при этом для русского АП характерно наличие достаточно объёмно представленного ассоциата – 37, что отражает существующую в рамках русской лингвокультуры любовь к своему потомству, так же как и во вьетнамской – 18, однако за, на первый взгляд, тождественностью скрываются абсолютно различные ценностные ориентиры. Для русских отношение к детям – это прежде всего чрезмерная любовь, опека, которая «лишает их самостоятельности, ответственности и воли преодолевать жизненные сложности без посторонней помощи» [41. С. 102]. Подобное, как известно, часто оборачивается избалованностью, эгоизмом, черствостью [41. С. 101]. Что же касается вьетнамцев, то здесь отсутствует «слепая» родитель-

ская любовь, а имеет место любовь «разумная», в принципе, также представляющая собой опеку, но иного рода: более всего родители желают, чтобы ребёнок был послушным, так как для вьетнамской лингвокультуры ребёнок – это «продукт рода», продолжатель фамилии, его необходимо наставлять, не считаясь с его мнением, – так принято себя вести в социуме [42. С. 234]. В качестве примера можно рассмотреть феномен празднования Нового года в кругу семьи: и в России и во Вьетнаме Новый год и *Năm mới* – семейный праздник, однако дети позднего подросткового возраста в России часто предпочитают не отмечать его дома с родителями, и это считается нормой, тогда как во Вьетнаме сложилась такая традиция: где бы ни находился в это время вьетнамец, если есть возможность встретить Новый год в кругу семьи, он непременно предпочитает последнее. Следует обратить внимание на то, что русское этническое сознание не связывает концепт *семья* со словами – *деньги* и *отец* в противовес вьетнамскому (соответственно «*tiền bạc*» и «*cha*»). Думается, относительно русского АП это связано с тем, что само понятие денег в системе национальных ценностей в силу бытующих традиций не заняло до сих пор определяющего места в русском национальном сознании – «С милым – рай в шалаше» и т.п. Вьетнамская семья более прагматична в плане финансового обеспечения и за него отвечает всегда отец *cha*, как, впрочем, и за всё, что связано с благополучием семьи с точки зрения принятой во Вьетнаме философии конфуцианства. В русском ассоциативном поле мы видим вместо слова *отец* слово *мать*: именно она в настоящее время берёт на себя обе родительские функции [43]. Допустимо считать, что отсутствие в русском АП ассоциата *жизнь* и его представительное наличие *một cuộc sống* – 40, связано с тем, что во вьетнамском социуме продолжение жизни в виде рождения ребёнка возможно, как правило, лишь в формате семьи с обязательным наличием обоих родителей в качестве мужа (отца) и жены (матери), что в русском социуме сегодня не является обязательным. Процедура отказа от родительских прав при рождении ребёнка, имеющая место в русском социуме, во вьетнамском отсутствует как таковая.

Выводы

Вызовы современности стоят в одном ряду с необходимостью более глубокого понимания представителями разных стран и народов

друг друга. Имеет место обязательный учет национально-культурной специфики речевого и неречевого поведения, а это самым тесным образом связано с изучением иностранного языка как средства межкультурной коммуникации, причём с учётом особенностей национальной культуры адресата-инофона. Подобное овладение иностранным языком носит название «национально-ориентированное».

Одним из существующих средств обучения РКИ, как известно, является лингвострановедческий словарь, однако, будучи словарём преимущественно «безадресным», ориентированным на иностранца «вообще», подобный словарь не в состоянии обеспечить максимальную эффективность при обучении конкретного инофона, в частности представителя вьетнамской лингвокультуры. Решить данную лингвометодическую задачу призван национально-ориентированный учебный лингвострановедческий словарь (НОЛУС), концепцию которого применительно к обучению вьетнамских студентов нефилологического профиля в русле контрастивной семантики и лингводидактики разрабатывает уже на втором этапе коллектив исследователей Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, представителей школы В.В. Морковкина, в соответствие с требованиями полученного ими гранта РФФИ.

Будучи новым явлением в теории и практике лексикографии, в том числе учебной, настоящий словарь нуждается в теоретическом – лингвистическом и лингводидактическом – обосновании, где особая роль принадлежит экспериментальным процедурам, в том числе ассоциативному эксперименту, нашедшему своё отражение в статье на материале концептов *семья* и *gia đình* как наиболее релевантных для системы ценностей обеих лингвокультур и отражающих специфику картин мира русского и вьетнамского языкового и этнического сознаний.

Список источников

1. Мамонтов А.С. Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации. Обзорная статья // Русистика. 2019. Т. 17, № 2. С. 143–156.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
3. Уэст М. Обучение английскому языку в трудных условиях : пер. с англ. // Методика преподавания иностранных языков за рубежом / сост. М.М. Васильева, Е.В. Синявская. М. : Прогресс, 1967. С. 101–132.
4. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим: Фонетика. Графика. Устная речь. М., 2001. 384 с.

5. Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1990. 270 с.
6. Сафонова В.В. Культуроведение и социология в языковой педагогике. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992. 430 с.
7. Мамонтов А.С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения. М. : ИЯ РАН, 2000. 183 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
9. Бобрышева И.Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 46 с.
10. Балыхина Т.М., Чжо Юйцзын. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. М. : РУДН, 2010. 344 с.
11. Быкова О.П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде (на примере южнокорейских университетов) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 43 с.
12. Мамонтов А.С. Проблемы восприятия и понимания текста (психолингвистический анализ номинативных единиц текста) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 217 с.
13. Шаклеин В.М., Микова С.С. Лингвокультурное содержание языка. М. : РУДН, 2015. 176 с.
14. Куклина С.С., Черемисина И.С. Межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция как основа обучения иноязычному общению в вузе // Язык и культура. 2018. № 41. С. 255–270.
15. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара : Русский лицей, 1994. 94 с.
16. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М. : ИЯ РАН, 1995. С. 144–238.
17. Морковкин В.В. Об объёме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33–42.
18. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984. 487 с.
19. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1990. 246 с.
20. Советский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. 1600 с.
21. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Ю.Е. Прохорова. М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина ; АСТ-Пресс, 2007. 737 с.
22. Денисова М.А. Народное образование в СССР. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верецагина, В.Г. Костомарова. М. : Русский язык, 1978. 277 с.

23. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М. : Рус. яз., 1979. 240 с.

24. Чернявская Т.Н. Художественная культура СССР. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М. : Русский язык, 1984. 355 с.

25. Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / под ред. Г.В. Чернова. Смоленск : Полиграмма, 1996. 1188 с.

26. Веденина Л.Г. Франция. Лингвострановедческий словарь. М. : АМТ, 1997. 1037 с.

27. Ощепкова В.В., Петриковская А.С. Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь. М. : Русский язык, 1998. 213 с.

28. Куликов Г.И. Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь. Минск : Вышэйшая школа, 2001. 294 с.

29. Томахин Г.Д. Лингвострановедческий словарь Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. М. : АСТ- ПРЕСС КН., 2003. 734 с.

30. Волкова Г.И., Дементьев А.В. Учебный испанско-русский лингвострановедческий словарь-справочник. М. : Высшая школа, 2006. 656 с.

31. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Морковкин В.В. Проспект учебного лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка. М. : Изд-во МГУ, 1971. С. 157–189.

32. Энхтуяа Ц. Язык и культура: основы национально-ориентированной лексикографии (с позиции носителя монгольского языка). М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2015. 200 с.

33. Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В.В. Лингвострановедческий учебный словарь для монгольских граждан: специфика представления материала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 74–85.

34. Мамонтов А.С., Богуславская В.В., Будник Е.А., Чафонова А.Г. Слово как единица общения и обобщения в аспекте национально-ориентированной учебной лексикографии // Русский язык за рубежом. 2020. № 4. С. 74–80.

35. Апресян Ю.Д. Принципы системной лексикографии и толковый словарь // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч.Вс. Иванова. М. : ОГИ, 1999. С. 634–650.

36. Мамонтов А.С., Богуславская В.В., Гусман Тирадо Р. Феномен сознания в аспекте теории и практики обучения иностранному языку как средству межкультурной коммуникации // Сборник статей Международной научно-практической конференции молодых учёных. Москва, РУДН, 23–24 сентября 2019. М. : РУДН, 2019. С. 51–75.

37. Стернин И.А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения // Аксиологическая проблематика: проблемы коммуникативного поведения : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. Волгоград : Перемена, 2003. С. 5–15.

38. Маркелова Т.В. Аксиологичность как имманентное свойство газетно-публицистического текста // Язык и стиль современных СМИ : межвузов. сб.

науч. тр. Всероссийской конференции, посвященной 80-летию проф. Н.С. Валгиной. М. : МГУП, 2007. С. 231–238.

39. Рябов А.В., Курбангалеева В.Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. 449 с.

40. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / под ред. Ю.Н. Караулова. М. : АСТ-Астрель, 2002.

41. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : Флинта: Наука, 2007. 320 с.

42. Нгуен Тхи Хыонг. Мир в образах сознания вьетнамцев // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / под ред. Н.А. Уфимцевой. М., 2000. С. 220–236.

43. Кувычко А.А. Лингвокультурные характеристики современного медиадискурса материнства : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 24 с.

References

1. Mamontov, A.S. (2019) Cultural linguistics in the aspect of teaching the Russian language as a means of intercultural communication. Review article. *Rusistika – Russian Language Studies*. 17 (2). pp. 143–156. (In Russian).

2. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow: IKAR.

3. West, M. (1967) *Obuchenie angliyskomu yazyku v trudnykh usloviyakh* [Teaching English in difficult circumstances]. Translated from English by A.S. Ignat'ev. In: Sinyavskaya, E.V., Vasil'eva, M.M. & Musnitskaya, E.V. (eds) *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov za rubezhom* [Methods of teaching foreign languages abroad]. Moscow: Progress. pp. 101–132.

4. Vagner, V.N. (2001) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka anglogovoryashchim i frankogovoryashchim: Fonetika. Grafika. Ustnaya rech'* [Methods of teaching the Russian to English speakers and French speakers: Phonetics. Letters. Oral speech]. Moscow: VLADOS.

5. Mitrofanova, O.D. & Kostomarov, V.G. (1990) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Russkiy yazyk.

6. Safonova, V.V. (1992) *Kul'turovedenie i sotsiologiya v yazykovoy pedagogike* [Cultural studies and sociology in language pedagogy]. Voronezh: Voronezh State University.

7. Mamontov, A.S. (2000) *Yazyk i kul'tura: sopostavitel'nyy aspekt izucheniya* [Language and culture: a comparative aspect of study]. Moscow: Institute of Linguistics RAS.

8. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo.

9. Bobrysheva, I.E. (2004) *Kul'turno-tipologicheskie stili uchebno-poznavatel'noy deyatel'nosti inostrannykh uchashchikhsya v metodike obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Cultural and typological styles of educational and cognitive activity

of foreign students in the methodology of teaching Russian as a foreign language]. Abstract of Pedagogical Sciences Dr. Diss. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.

10. Balykhina, T.M. & Yujiang, Zhuo (2010) *Ot metodiki k etnometodike. Obuchenie kitaytsev russkomu yazyku: problemy i puti ikh preodoleniya* [From methodology to ethnomethodology. Teaching Russian to the Chinese: Problems and Ways to Overcome Them]. Moscow: RUDN University.

11. Bykova, O.P. (2011) *Obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu v inoyazychnoy srede (na primere yuzhnokoreyskikh universitetov)* [Teaching Russian as a Foreign Language in a Foreign-Language Environment (on the Example of South Korean Universities)]. Abstract of Pedagogical Sciences Dr. Diss. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.

12. Mamontov, A.S. (1984) *Problemy vospriyatiya i ponimaniya teksta (psikholingvisticheskii analiz nominativnykh edinits teksta)* [Problems of perception and understanding of the text (psycholinguistic analysis of nominative text units)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

13. Shaklein, V.M. & Mikova, S.S. (2015) *Lingvokul'turnoe sodержanie yazyka* [Linguocultural content of the language]. Moscow: RUDN University.

14. Kuklina, S.S. & Cheremisina, I.S. (2018) *Mezhkul'turnaya inoyazychnaya kommunikativnaya kompetentsiya kak osnova obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu v vuzе* [Intercultural foreign language communicative competence as a basis for teaching foreign language communication at a university]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 41. pp. 255–270.

15. Sorokin, Yu.A. (1994) *Etnicheskaya konfliktologiya (Teoreticheskie i eksperimental'nye fragmenty)* [Ethnic conflictology (Theoretical and experimental fragments)]. Samara: Russkiy litsey.

16. Kubryakova, E.S. (1995) *Evolutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine 20 veka (opyt paradigmalnogo analiza)* [Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century (Experience of Paradigm Analysis)]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa 20 v* [Language and Science of the End of the 20th Century]. Moscow: Institute of Linguistics RAS. pp. 144–238.

17. Morkovkin, V.V. (1987) *Ob ob"eme i sodержanii ponyatiya "teoreticheskaya leksikografiya"* [On the scope and content of the concept of "theoretical lexicography"]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 33–42.

18. Tomakhin, G.D. (1984) *Teoreticheskie osnovy lingvostranovedeniya (na materiale leksicheskikh amerikanskoy angliyskogo yazyka)* [Theoretical foundations of linguistic and regional studies (on the material of lexical Americanisms of the English language)]. Philology Dr. Diss. Moscow.

19. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990) *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Russkiy yazyk.

20. Prokhorov, A.M. (ed.) (1983) *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Soviet encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

21. Prokhorov, Yu.E. (ed.) (2007) *Rossiya. Bol'shoy lingvostranovedcheskiy slovar'* [Big linguo-cultural dictionary]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute; AST-Press.
22. Denisova, M.A. (1978) *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Lingvostranovedcheskiy slovar'* [Public education in the USSR. Linguistic Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
23. Felitsyna, V.P. & Prokhorov, Yu.E. (1979) *Russkie posloviitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya: Lingvostranovedcheskiy slovar'* [Russian proverbs, sayings and popular expressions: Linguistic Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
24. Chernyavskaya, T.N. (1984) *Khudozhestvennaya kul'tura SSSR: lingvostranovedcheskiy slovar'* [Artistic culture of the USSR: linguo-cultural dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
25. Chernov, G.V. (1996) *Amerikana. Anglo-russkiy lingvostranovedcheskiy slovar'* [Americana. English-Russian linguo-cultural dictionary]. Smolensk: Poligramma.
26. Vedenina, L.G. (1997) *Frantsiya. Lingvostranovedcheskiy slovar'* [France. A linguo-cultural dictionary]. Moscow: AMT.
27. Oshchepkova, V.V. & Petrikovskaya, A.S. (1998) *Avstraliya i Novaya Zelandiya: Lingvostranovedcheskiy slovar'* [Australia and New Zealand: A linguo-cultural dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
28. Kulikov, G.I. (2001) *Nemetsko-russkiy illyustrirrovannyi lingvostranovedcheskiy slovar'* [German-Russian illustrated linguo-cultural dictionary]. Minsk: Vysheyschaya shkola.
29. Tomakhin, G.D. (2003) *Lingvostranovedcheskiy slovar' Soedinennoe Korolevstvo Velikobritanii i Severnoy Irlandii* [A linguo-cultural dictionary. The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland]. Moscow: AST- PRESS KN.
30. Volkova, G.I. & Dement'ev, A.V. (2006) *Uchebnyy ispanско-russkiy lingvostranovedcheskiy slovar'-spravochnik* [Educational Spanish-Russian linguo-cultural dictionary-reference book]. Moscow: Vysshaya shkola.
31. Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. & Morkovkin, V.V. (1971) *Prospekt uchebnogo lingvostranovedcheskogo slovaryia sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Prospectus of the educational linguo-cultural dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow: MSU. pp. 157–189.
32. Enkhuyaa, Ts. (2015) *Yazyk i kul'tura: osnovy natsional'no-orientirovannoy leksikografii (s pozitsii nositelya mongol'skogo yazyka)* [Language and culture: foundations of nationally oriented lexicography (from the position of a native speaker of the Mongolian language)]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.
33. Mamontov, A.S., Tsendendorzhii, E. & Boguslavskaya, V.V. (2019) Linguistic and country studies learner's dictionary for Mongolian citizens: the specifics of presenting of the material. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie –Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 18 (1). pp. 74–85. (In Russian).
34. Mamontov, A.S., Boguslavskaya, V.V., Budnik, E.A. & Chafonova, A.G. (2020) The word as a unit of communication and generalization in the aspect of nation-

ally oriented educational lexicography. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian language abroad*. 4. pp. 74–80. (In Russian).

35. Apresyan, Yu.D. (1999) Printsipy sistemnoy leksikografii i tolkovyy slovar' [Principles of systemic lexicography and explanatory dictionary]. In: Vigasin, A.A. (ed.) *Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika. Sbornik k 70-letiyu Vyach. Vs. Ivanova* [Essays in Poetics, Literary History and Linguistics. For the 70th anniversary of V. Ivanov] Moscow: OGI. pp. 634–650.

36. Mamontov, A.S., Boguslavskaya, V.V. & Gusman Tirado, R. (2019) [The phenomenon of consciousness in the aspect of theory and practice of teaching a foreign language as a means of intercultural communication]. Collected articles of the International Conference of Young Scientists. Moscow. 23–24 September 2019. Moscow: RUDN. pp. 51–75. (In Russian).

37. Sternin, I.A. (2003) K razrabotke modeli kontrastivnogo opisaniya natsional'nogo kommunikativnogo povedeniya [On the development of a model for a contrastive description of national communicative behavior]. In: Karasik, V.I. & Krasavskoy, N.A. (eds) *Aksiologicheskaya problematika: problemy kommunikativnogo povedeniya* [Axiological problems: problems of communicative behavior]. Volgograd: Peremena. pp. 5–15.

38. Markelova, T.V. (2007) [Axiological as an immanent property of a newspaper and journalistic text]. *Yazyk i stil' sovremennykh SMI* [Language and style of modern media]. Proceedings of the Russian Conference dedicated to the 80th anniversary of professor N.S. Valgina. Moscow: Moscow State University of Printing Arts. pp. 231–238. (In Russian).

39. Ryabov, A.V. & Kurbangaleeva, V.Sh. (2003) *Bazovye tsennosti rossiyan: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify* [Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.

40. Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t* [Russian associative dictionary: in 2 volumes]. Moscow: AST-Astrel'.

41. Sergeeva, A.V. (2007) *Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russians: stereotypes of behavior, traditions, mentality]. Moscow: Flinta: Nauka.

42. Nguyen, Thi Huong (2000) *Mir v obrazakh soznaniya v'etnamtsev* [The World in the Images of the Consciousness of the Vietnamese]. In: Ufimtseva, N.A. (ed.) *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic Consciousness and the Image of the World]. Moscow. pp. 220–236.

43. Kuvychko, A.A. (2021) *Lingvokul'turnye kharakteristiki sovremennogo mediadiskursa materinstva* [Linguistic and cultural characteristics of the modern media discourse of motherhood]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Сведения об авторах:

Богуславская Вера Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия). E-mail: boguslavskaya@gmail.com

Будник Екатерина Александровна – канд. пед. наук, директор программ Отдела онлайн-программ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: ebudnik11@gmail.com

Мамонтов Александр Степанович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия). E-mail: as-mamontov2@yandex.ru

Чинь Тхи Ким Нгок – д-р филол. наук, профессор, научный консультант по культурным и социальным вопросам Института человековедения Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам). E-mail: ngocha098@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vera V. Boguslavskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: boguslavskaya@gmail.com

Ekaterina A. Budnik, Cand. Sci. (Pedagogy), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russian Federation). E-mail: ebudnik11@gmail.com

Aleksandr S. Mamontov, Dr. Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: as-mamontov2@yandex.ru

Trinh Thi Kim Ngoc, Dr. Sci. (Philology), professor, Central National Front of Vietnam for Cultural and Social Affairs (Hanoi, Vietnam). E-mail: ngocha098@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2021;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 06.06.2022.*

*The article was submitted 20.10.2021;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 06.06.2022.*

Научная статья
УДК 81'374.81+811.512.157'354
doi: 10.17223/22274200/24/2

Орфографические словари якутского языка: становление и современное состояние

Надежда Матвеевна Васильева

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия,
tnm69@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются вопросы разработки и составления орфографических словарей якутского языка. Исследуются основные их отличия, более подробно освещаются специфические особенности отражения в орфографических словарях разных лет заимствованных из русского языка слов. Отмечается, что орфографические словари якутского языка нового периода отвечают требованиям языковой, культурной и социальной ситуации. Автором спрогнозированы и обоснованы тенденции развития орфографических словарей якутского языка.

Ключевые слова: якутский язык, орфографическая лексикография, орфографические словари, кодификация, заимствованные слова

Для цитирования: Васильева Н.М. Орфографические словари якутского языка: становление и современное состояние // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 30–50. doi: 10.17223/22274200/24/2

Original article
doi: 10.17223/22274200/24/2

Spelling dictionaries of the Yakut language: Formation and current state

Nadezhda M. Vasilyeva

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, tnm69@mail.ru*

Abstract. The spelling rules of the Yakut language cannot cover all complex cases of word spelling; therefore, their spelling is reflected in the norma-

tive spelling dictionaries of the Yakut language. The study analyzes the codified spelling dictionaries of the Yakut language. The relevance of the work is due to the contradiction between the increased attention to the situation with spelling in the Republic of Sakha (Yakutia) and the lack of a scientifically based analysis of existing editions of Yakut spelling dictionaries. The aim of this article is to study the formation and development of spelling dictionaries of the Yakut language. Based on the aim, the following objectives are supposed to be reached: coverage of the history of orthographic lexicography of the Yakut language; determination of the development trend of spelling dictionaries in the 21st century. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the spelling dictionaries of the Yakut language are studied from the standpoint of the theory and practice of compiling dictionaries, the principles of practical lexicography in the creation of Yakut spelling dictionaries are substantiated. The problem of the development and compilation of Yakut spelling dictionaries is considered. The results of the analysis and a brief description of the dictionaries are presented. The main differences between the dictionaries are investigated, the specific features of the reflection of words borrowed from Russian in Yakut spelling dictionaries of different years are highlighted in more detail. For modern Yakut spelling, the problem of spelling words borrowed from Russian has not yet been sufficiently reliably resolved. These difficulties are mainly due to the nature of the development of borrowed words in the language itself, their correlation and place in the vocabulary of the Yakut language. In the course of the study, glossaries of eight spelling dictionaries published in different years of the development of the Yakut literary language were studied. Particular attention is paid to the dictionary by P.A. Oyunsky as the first term-spelling dictionary. The features of the 2015 edition, whose purpose was to unify spelling norms and approve a single spelling regime to create optimal conditions for the functioning of the Yakut language as the state language in the Republic of Sakha (Yakutia), are characterized. The spelling dictionary of the Yakut language reflects a new trend in the spelling of words borrowed from Russian and somewhat increases the number of normative phonetized words. The spelling dictionaries of the Yakut language of the new period meet the requirements of the linguistic, cultural and social situation.

Keywords: Yakut language, spelling lexicography, spelling dictionaries, codification, borrowed words

For citation: Vasilyeva, N.M. (2022) Spelling dictionaries of the Yakut language: Formation and current state. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 24. pp. 29–49. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/24/2

Введение

Одна из малоизученных тематик якутского языкознания – история развития якутской лексикографии, зарождение которой относится к XVII в., когда появился список якутских слов в материалах географа Н. Витзена (1692 г.) [1. С. 129; 2]. Целенаправленное создание разных типов словарей, в том числе разработка и составление орфографических словарей якутского языка началось в 30-х гг. XX в. С тех пор напечатано восемь орфографических изданий, а также орфографический словарь для учащихся 4–8-х классов, составленный Н.Н. Неустроевым [3].

Долгое время не уделялось должного внимания развитию орфографической лексикографии. «Период острого словарного дефицита» в 70–90-х гг. XX в., отмечаемый исследователями [4], не стал исключением и для Якутии: после выхода в 1975 г. орфографического словаря якутского языка затишье длилось в течение почти 30 лет. Только в конце 1990-х гг. в связи с разработкой орфографических правил якутского языка возобновилась и развернулась широкая деятельность по созданию большого орфографического словаря якутского языка.

В настоящей статье представлены результаты обобщения и осмысления теоретической и практической орфографической работы, проведенной в разные годы, охарактеризовано состояние орфографической лексикографии в разные периоды ее развития. Подробно описаны социолингвистические условия разработки каждого из 8 орфографических словарей, показаны их историческая и научно-культурная ценность, лексикографические особенности. Обоснованы нововведения каждого из последующих изданий орфографических словарей, представлены принципы и правила якутской орфографии, на которых основаны концепции орфографических словарей как академических изданий, реализующих представление об орфографической нормативности применительно к функционально и стилистически разнородному массиву лексики якутского литературного языка.

Орфографические словари якутского языка, изданные в XX в.

«Русско-якутский термино-орфографический словарь якутского языка» П.А. Ойунского (1935)

Первым по времени орфографическим словарем якутского языка можно считать «Русско-якутский термино-орфографический словарь

якутского языка» П.А. Ойунского, изданный в Москве в 1935 г. [5]. Этот словарь составлялся в тот период, когда якутский литературный язык только начинал формироваться и отсутствовали общепринятые принципы орфографии и терминологии. В тех условиях, как отмечают исследователи, словарь П.А. Ойунского преследовал две цели: создание терминов (в широком плане) и их унификацию на основе теоретических взглядов автора по данному вопросу [1. С. 155; 6. С. 457].

Словарь был составлен согласно плану Института национальностей по заказу Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА). ВЦКНА было предложено выпустить серию небольших словарей по всем предметам в объеме средней школы, а также небольшой словарь общеупотребительных общественно-политических слов, однако на деле они были объединены в один словарь. Кроме общеупотребительных слов данное издание содержит различные номенклатурные названия, собственные и нарицательные имена, географические названия, представленные в виде заглавных единиц глаголы, прилагательные, причастные формы и наречия.

В русской части словаря, по подсчетам автора, содержится 13 018 общеупотребительных слов и специальных терминов из различных отраслей знания [5. С. 455]. Некоторые слова имеют в якутской части словаря эквивалент, представленный в виде заимствования или слова якутского происхождения: авторитет – *аптарытыат*, астык; массаж – *массаас*, *илбии*; рычаг – *ырычаак*, *төһүү*; должность – *дуоһунас*, *соло*; метод – *миэтэт*, *ньыма* и др.

В своем словаре П.А. Ойунский в основном придерживается принципа фонетизированного оформления слов: *абытаассыйа* «агитация», *аадырыс* «адрес», *биибилийэ* «библия», *билиндээс* «блиндаж», *кыраска* «краска», *кирэдиит* «кредит», *ньиэмэс* «немец», *сөкүүндэ* «секунда», *устаап* «устав», *этээп* «этап» и т.п. При этом он ввел одно характерное новшество: сложные слова пишутся, как правило, через дефис или вообще раздельно, и это позволяет автору избегать в одном слове нарушения гармонии: *аабыйа-бааса* «авиабаза», *аагыра-миинимум* «агроминимум», *араадыйа тэлэгирээн* «радиотелеграф». Иногда так пишутся и простые слова: *эрэ-пуродууктар* «репродуктор», *эрэ-пуродууксуя* «репродукция».

В отношении гласных П.А. Ойунский считал возможным в ряде случаев допустить отступления от сингармонизма и чередования, например: *арайуон* «район», *апсалуут* «абсолют», *институут* «ин-

ститут», *эрэсиссүөр* «режиссер», *мэлүөдүйа* «мелодия», *тэppитyopy-йа* «территория», *писийэдуок* «физиолог», *ыстатуйиэткэ* «статуетка» и др. Автором также допущены отступления и в отношении норм сочетаемости согласных: а) широкое употребление звука *n* в начале слов, например: *пай* «пай», *палаата* «палата», *пампылыат* «памфлет», *парылааман* «парламент» и т.п. Исключения не делаются даже в отношении заимствований дореволюционного периода, освоенных в общенародном языке форм, например: *паартыйа* «партия» (а не *баартыйа*), *патуруон* «патрон» (а не *ботуруон*), *пальтуо* «пальто» (а не *болтуо*), *пилуосан* «философ» (а не *бөлүһүөк*), *паасына* (а не *бааһына*), *пакыат* «пакет» (а не *бакыат*); б) подача многих слов с начальным *г*: *гаабан* «гавань», *гиэньий* «гений», *гилуогуя* «геология», *гыраам* «грамм», *гыраммаатыка* «грамматика» и т.п.; в) сочетание трех согласных в середине слова: *ускульптуура* «скульптура», *экскурсуя* «экскурсия», *апстыралыйас* «австралиец», *марксыыс* «марксист» и др.; г) сочетание *ка, ко* в начале слова: *каалый* «калий», *катаалак* «каталог», *катаар* «катар», *каапыдыра* «кафедра», *кокуос* «кокос», *конкуруон* «конкурент», *консультаассыйа* «консультация» и т.д. Слова типа *коньки, коньяк* в якутской части переданы с отступлением от произносительных норм: *ханькы, ханьуйаах*, которые произносятся как *ханкы, ханньаах*. Иными словами, П.А. Ойунский старался максимально приблизить заимствованные слова и термины к их русскому произношению. Свое видение по данному вопросу автор выразил в статье «О якутской письменности» в следующих словах: «...слова, имена, термины, входящие из русского языка, мы должны писать или точно по их корням, или приближенно к ним» [7]. Отступления в словаре допущены, по мнению исследователей, в порядке реализации потенциальных возможностей самого якутского языка, а также придерживания эстетики литературного языка [1. С. 154; 6. С. 461]. Большинство таких рекомендаций этого первого нормативного термино-орфографического словаря нисколько не соблюдалось в практике, и слова по-прежнему оформлялись полностью в фонетизированных вариантах.

Якутская часть разработана, по разъяснению автора, «по определенному принципу орфографии, в порядке стандартизации слов» [8. С. 121]. В этой части словаря в исконно якутских словах удвоенные согласные *ннь* написаны с двумя знаками мягкости, например: *оонньуу* «игра», *алтынньы* «октябрь», *мунньах* «собрание»,

эминьнэх «лепесток». Также в словаре обозначено смягчение звука л перед дь: *ильдьэ* «с собой», *ыальдьыбыт* «заболел», *кыльдьыы* «кольцо; ободок», *хоольдьуга* «уст. жертвенное животное». Такое написание противоречит законам якутской фонетики и в современной якутской орфографии правилами не регламентировано.

В словаре зафиксированы ассимилированные формы некоторых якутских слов, например: *тааттарыы* «разгадывание», *сассын* «завтра», *сассыарда* «утро», *буккуйуу* «запутывание» и т.д.

Займствованные русские прилагательные оформлены разными аффиксами: прилагательные, имеющие суффикс *-ский*, П.А. Ойунский передал в основном посредством аффикса *-лыы* (*геройский* – *гирэройдуу*, *мифический* – *мииптии*, *призматический* – *пириисимэлии*), *-таабы* (*комиссарский* – *хамыссаардаабы*); прилагательные на *-ный* переданы в основном с помощью аффиксов *-таабы* (*корпусный* – *куорпустаабы*, *аппаратный* – *аппарааттаабы*), *-лаах* (*капризный* – *хаппырыыстаах*, *торпедный* – *тарпыадалаах*), *-мыт* (*адресованный* – *аадырыстаммыт*, *дрессированный* – *дирэссириэкэлэммит*), *-лыыр* (*дипломный* – *дьупулдуомнуур*, *экзаменационный* – *эксээмэниир*).

Таким образом, П.А. Ойунский в отношении орфографии пытался ввести много нового в орфографировании заимствованных слов, а также в практике создания терминов. По мнению И.В. Аммосовой, в качестве терминов удачно представлены архаизмы, диалектизмы, особенно – терминологические словосочетания [9. С. 101]. Словарь П.А. Ойунского является первым словарем, где был сделан шаг к упорядочению и стабилизации орфографии и терминологии якутского языка. Главная заслуга П.А. Ойунского в том, что он своим трудом в якутской лексикографии положил организованное начало сознательному формированию и урегулированию якутской терминологии и орфографии [6. С. 462].

Составление орфографических словарей якутского языка в 1940–1970-е гг.

В 1939 г. был осуществлен переход якутской письменности на новый алфавит на основе русской графики. Одновременно с разработкой нового алфавита филологи Института языка и культуры при Совнаркомне Якутской АССР приступили к разработке основ и правил

орфографии. Так, в 1940 г. был опубликован «Орфографический справочник якутского языка» – первый в истории якутского языка официально утвержденный свод правил [10]. В справочнике содержится ряд директивных документов: указ Президиума Верховного совета Якутской АССР о внесении частичных изменений в новый алфавит и приказ Наркомпроса Якутской АССР об утверждении и внедрении новой орфографии якутского литературного языка, приказ Наркомпроса РСФСР. Данное издание имеет несколько приложений: таблицы по правописанию случаев обратной ассимиляции, появления вставных гласных при аффиксации заимствованных терминов, изменения конечных звуков основ заимствованных слов при аффиксации, изменения окончаний заимствованных прилагательных, образцы склонения заимствованных терминов в зависимости от конечных звуков. В конце справочника включен небольшой русско-якутский словарь грамматических терминов, сгруппированных по трем основным областям: фонетике, морфологии, синтаксису.

В предисловии справочника были указаны исходные положения, на которых базируются правила якутской орфографии:

Единство написаний. Такая основа в то время считалась наиболее актуальной. Указывалось, что требование в отношении заимствованных терминов реализуется путем сохранения их русского написания (*совет, революция* и т.п.). В отношении коренных якутских слов, выступающих в двух или нескольких вариантах произношения, принцип единства написаний реализуется путем сохранения на письме морфологической структуры слова. Принимается тот вариант произношения, который совпадает с живой морфологической структурой слова. Например, произносится *булт* и *бут*, пишется *булт* «охота», *мач-чылт* – *масчылт*, пишется *масчылт* (от основы *мас*) «дровосек», *бас-сар* – *барсар*, пишется *барсар* (от основы *бар*) «он идет с...» и т.д. В отношении заимствованных слов, издавна укоренившихся в якутском произношении, единство написаний устанавливается путем закрепления того варианта произношения, который наиболее близок к русскому оригиналу.

Подчинение письма законам живого языка. Это положение действует в следующих правилах: 1) озвончение конечных согласных *х, н, к* перед гласным (*мутук* «сук» – *мутугу*, *сап* «нитка» – *сабы*, *харах* «глаз» – *харабы*); 2) переход звука *с* в *һ* перед гласным (*мас* «дерево» – *маһы*); такому же изменению подвергаются и конечные *з, ж, ц,*

ш, ч в заимствованных словах; 3) регрессивная ассимиляция конечных согласных *н* и *т* (*аан* «дверь» – *ааммыт*, *аанга*, *ат* «конь» – *акка*, *аппыт*). Эти нормы распространялись и на заимствованные слова.

Экономность написаний. Из существующих вариантов произношения слова за основу письма принимается наиболее краткая форма. Было установлено, что излишние долготы, удвоения и тому подобные фонетические усложнения, если они безразличны для смысла и формы слова, на письме не отражать. Например, произносится *да* и *даа*, а должно писаться *да* ‘союзная частица’; произносится *диэки* – *диэкии*, а следует писать *диэки* «в таком-то направлении»; произносится *бөөлүүн* – *бөлүүн*, а должно писаться *бөлүүн* «сегодня ночью» и т.д. При этом подчеркнуто, что письмо должно опираться на формы, реально существующие в живом языке, хотя бы в части его говоров, искусственное упрощение слов в письме недопустимо.

В разделе «Общие положения» кратко сформулированы в основном те же положения, которые изложены в предисловии. Выдвинуто положение о том, что литературный язык не должен отходить от живого языка народных масс, но вместе с тем он должен намечать пути своего развития на основе учета прогрессивных тенденций языка и достижений языкознания. Отмечается, что предлагаемые принципы и правила орфографии, при всей их неполноте и неокончателности, построены с учетом того, чтобы дальнейшее дополнение и усовершенствование их не вызывало коренной ломки основ орфографии.

Далее следует изложение текста правил якутской орфографии. В нем выделены следующие разделы: 1) орфографирование коренных якутских слов; 2) орфографирование новых заимствованных слов; 3) слитное и раздельное написание слов, употребление дефиса; 4) употребление прописной буквы; 5) перенос слов. Всего было дано 43 правила.

Содержание правил представляет собой, по существу, конкретизацию и развитие общих принципиальных основ, изложенных выше. В правилах впервые была дана система якутского правописания, охватывающая все основные типы и наиболее часто встречающиеся случаи написаний. Были разработаны принципы написания заимствованных слов, в основном выдвинутых в первоначальном проекте. Так, давние обиходно-разговорные заимствования орфографировались в фонетизированном (якутизированном) виде, а вся русская общественно-политическая и научно-техническая терминология – в их русской

форме. Однако на практике письма встречались и такие начертания, например, *учитель, газета, душа, свинья, стол, шкаф* и т.д., которые согласно правилам должны были орфографироваться в фонетизированном виде.

Ценность данного справочника в том, что в нем были заложены теоретические основы якутской орфографии и даны направления ее дальнейшей разработки и совершенствования, он имеет бесспорное историческое значение и в своей основе остается образцом для работ подобного типа.

В 1942 г. был издан «Орфографический словарь якутского литературного языка», составленный И.И. Барашковым и Н.С. Григорьевым [11]. Этот словарь был утвержден Наркомпросом ЯАССР и, таким образом, являлся нормативным изданием. Словарь содержит 5 тыс. слов, в том числе свыше 3 500 заимствованных терминов, которые орфографированы с сохранением форм их прототипов. Обиходные слова даны в фонетизированных формах, некоторые из них заимствованы в послереволюционный период, например: *болкуон – балкон, баахса – вакса, буобар – повар, духуу – духи, куруор – курорт, одьуклуон – одеколон* и т.д. Как апробированное нормативное издание данный словарь способствовал стабилизации орфографических норм якутского литературного языка, им пользовались до середины 50-х гг. XX в.

В 1956 г. по заданию Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР (ИЯЛИ) П.П. Барашков издал пробный «Орфографический словарь якутского языка» для широкого обсуждения [12]. Словарь содержит около 9 тыс. слов, в том числе 5 200 заимствованных, которые нуждаются в упорядочении в написании основ и аффиксированных форм. Слова, вошедшие в словарь, можно разделить на 3 группы: 1) вариантные исконные слова; 2) заимствованные слова, подвергшиеся фонетизации; 3) заимствованные слова, основа которых пишется по-русски.

В словаре около 4 тыс. заимствованных слов введены в русском написании, например: *артист, большевик, бланк, мотор, приказ, приказтаа, шофёр, штаб* и т.д., некоторые слова даны без перевода, хотя имеется якутский аналог, например, *благодарность* (перевод – махтаныы, махтал), *восприятие, занятие* (дьарык), *художник* (уруһуйдьут), *охрана* (харабыл), *повесть* (сэһэн), *аһыыпка* (албас), *болтуо* (сон), *бортунуой* (иистэнньэн), *дайаарка* (ыанньыксыт), *кириэккэй* (кытаа-

нах), *норуоһуна* (соруйан), *остуруогай* (кытаанах), *биримиэр* (холобур), *бизчинэ* (өрүү, наар) и т.д., 1 240 слов – в фонетизированном виде, например: *аадырыс*, *барыанньа*, *докумуон*, *истиискэ*, *кибишккэ*, *норуот*, *суот*, *хотубай*, *чааскы*, *этэрээт*, *пиэрмэ* (это слово в последующих изданиях орфографического словаря дано в русской форме: *ферма*).

В словаре в некоторых словах поставлены знаки ударения, а также в скобках указано правильное правописание аффиксов множественного числа, например: *датчанин* (*датчаннар*), *тюрк* (*тюрдар*), *финн* (*финнэр*), *римлянин* (*римляннар*), *каникул*(*лар*), *кадр*(*дар*), *киргиз*(*тэр*) и т.д.

Автор в словаре дает одно, признанное правильным, написание слова, например, из вариантов *хотуур* – *хатыыр* «коса», *ынах* – *анах* «корова» правильным допускает *хотуур*, *ынах*.

В некоторых якутских словах в скобках указан их русский перевод, например, *айыы* (*творение*), *айыы* (*грех*), *кырыа* (*иней*), *остуруйа* (*сказка*), *таммах* (*капля*), *куолас* (*голос, колос*), *кырбый* (*ястреб*). В некоторых фонетизированных заимствованных словах в скобках также дан их русский вариант, например: *суокка* (*щётка*), *бөрүө* (*перо*), *көбүөр* (*ковёр*).

В словаре толкования и синонимы слов также даны в скобках, например: *бинтиэкэ* (*былыргы саа*), *быһый* (*куобах холо*), *көбүөр* (*ас*), *сизмэ* (*үүнээйи*), *кокуукка* (*оонньуур*), *дэбин-дизэрэ* (*үүнээйи*), *грек* (*омук*), *гранат* (*отон*), *үргээх* (*атыыр таба*), *быһычча* (*быһах*), *сонун* (*нуобас*), *сөрүө* (*тэллэх*), *күүгээн* (*айдаан*).

Местами даны грамматические и стилистические пометы, например: *миин* (*туохтуур*), *аллара* (*сыһыат*), *аллараа* (*дабааһын*), *һууй* (*саҥа аллайыы*), *да* (*ситим тыл*), *даа* (*ыйытыы*); *дэбь* (*мат.*), *карта* (*геогр.*), *когорта* (*историч.*), *огневая точка* (*воен.*), *сестра* (*мед.*); *тексти* (*туохтуу пад.*), *реценкэ* (*сыһыарыы пад.*), *дьизэнэн* (*туттуу пад.*), *саатааҕар* (*тэҥниш пад.*), *сарк* (*тыас*), *синильнэй* (*кислота*), *нохоо* (*ыҥырыы*).

В конце словаря даются приложения «Правописание географических названий», «Написание названий населегов», «Написание названий районных центров ЯАССР». В словарь не включен алфавит и список сокращений.

Постановлением Совета министров Якутской АССР от 14 сентября 1962 г. за № 490 был утвержден проект правил якутской орфографии.

Утвержденные правила были опубликованы в республиканских газетах и в 1963 г. изданы на якутском и русском языках отдельной брошюрой [13]. На основе новых правил в 1963 г. научными сотрудниками ИЯЛИ П.П. Барашковым и Н.Е. Петровым был издан новый орфографический словарь якутского языка под редакцией Л.Н. Харитоновой [14], включающий около 11 тыс. слов. В издании словаря были использованы орфографические словари прошлых лет, работа А.Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые якутами (кроме собственных имен и названий)», а также материалы диалектологических экспедиций. Сохранилась общая структура предыдущего словаря, но словник пополнился новыми словами, уточнены и исправлены словарные дефиниции (в грамматических пометах, в написании заимствованных слов). Словарь отличается от предыдущих изданий тем, что в нем включены слова, употребляемые в якутском литературном языке и нуждающиеся в упорядочении. Словарь регламентирует безвариантное написание слов, например, из вариантов типа *хотуур – хатыыр* (коса в значении «орудие труда») за норму взят первый оканчивающий вариант. В словаре учтены все варианты широкоупотребительных слов с одним значением: например, *ыһык, өйүө, үтэ* («еда в дороге»). Дефис используется в парных словах; при написании частицы *бааччы* «словообразующая частица», например, *дэбигис-бааччы* («легко, быстро»), *лоп-бааччы* («точно»), *нам-бааччы* («тихо»), *нус-бааччы* («спокойно»), *ным-бааччы* («мирно»), *чахчы-бааччы* («в самом деле»); послелога *курдук* («как, вроде»), например, *лоп-курдук* («ровно») (искл. *лип курдук* («плотно») – без дефиса). По нашим подсчетам, в словарь включено всего 4 370 заимствованных слов, из них 1 377 слов орфографированы по-якутски.

В период 60–80-х гг. XX в. происходит интенсивное распространение русского языка как языка межнационального общения, а также массовое развитие якутско-русского двуязычия, выступающего в устной и письменной формах. В якутский язык из русского языка проникли новые слова, отражающие прогрессивное развитие общества, к примеру, связанные с освоением космоса: *космос, космонавт, космодром, орбита, луноход* и т.д., а также научно-технические термины. Все эти слова орфографировались с сохранением русской формы основ и в дальнейшем нашли отражение в орфографическом словаре якутского языка.

В 1975 г. ИЯЛИ переиздал «Орфографический словарь якутского языка» [15]. Словарь, по подсчетам авторов, содержит 14 212 слов,

т.е. дополнительно включено 4 000 слов. В этом издании также сохранена общая структура предыдущих изданий словаря. Цель переиздания словаря состояла в обновлении словника, в более рациональной подаче грамматической информации, устранении непоследовательностей, внесении уточнений и отдельных исправлений. Исключены слова с ошибками, опечатками; упорядочена подача терминов; улучшена система передачи аффиксированных форм, например: *вагон*, *-онна*; *тур*, *-ун*, *-дуннар*. Улучшены пометы, помогающие при уточнении правописания, например: вместо помет *дьаһ. т.*, *холб. т.* после глаголов стоит дефис (*барыыһы-*, *тэрис-*, и т.д.), а также даны в скобках пояснительные пометы, например: *һуулаа* (*һуу диэнтэн*), *эгэ* (*мод. т.*), *карточка* (*докумуон*), *хаартыска* (*фото*), *туона* (*тоня, место*) и т.д.; упорядочены, унифицированы дефисные написания; уточнена передача заимствованных слов, правописание форм которых не охвачено орфографическими правилами.

В словаре зафиксировано много заимствованных слов, оформленных в русском начертании. Есть слова, имеющие якутский эквивалент, например: *активный*, *вкладыш*, *временка*, *группа*, *довод*, *междугородный*, *осада*, *остуор*, *отличник*, *охрана*, *охранник*, *переулок*, *передача*, *переворот*, *подделка*, *погреб*, *погром*, *повязка*, *полог*, *родилка*, *сознательность* и др., также включен ряд узкоспециальных терминов, например: *аэрофотосъёмка*, *вольт-ампер*, *гальванопластика*, *гидросфера*, *грамм-молекула*, *денатурат*, *зоогеография*, *космофизика*, *логарифм*, *палеозавр*, *палеозой*, *перископ*, *питекантроп*, *плевра*, *полисинтетической*, *префикс*, *радиофикация*, *рений*, *рентгенография*, *родий*, *рубидий*, *секанс*, *сероуглерод*, *стопор*, *субтропик*, *сред-юнион*, *формалин*, *хромосом*, *целлулоид*, *штрейкбрехер*, *этногенез* и т.д.

Словарь придерживается принципа экономности: слова оформлены в основах через краткий гласный, например: *ангар* «половина», *аҕабыт* «поп», *куруму* «высокие торбаса», *энэр* «сторона».

Словарь 1975 г. использовался до издания новой редакции орфографического словаря в 2002 г.

Следует отметить, что во всех вышеописанных орфографических словарях якутского языка (1942, 1956, 1963 и 1975 гг.) содержится много слов, написанных по цитатному принципу, что не оправдано самим назначением словаря. Предназначение орфографических словарей – нормализация трудных для написания слов. По поводу включения в корпус этих словарей большого количества русских слов, ко-

торые и не используются в якутских текстах, П.А. Слепцов пишет: «Подобные слова засоряют словари якутского языка, отталкивают людей со здоровым языковым вкусом, даже подавляют, сеют уныние в отношении перспектив развития литературного языка, ибо макароническое смешение слов воспринимается многим и как признак деградации языка» [16. С. 41].

С принятием Правил якутской орфографии в 1962 г., в частности согласно правилу № 14 о правописании заимствованных слов, многие заимствованные слова и термины орфографировались с полным сохранением русских форм. Заимствование русских слов и терминов в 60-е гг. XX в. считалось главным способом обогащения и пополнения лексики якутского языка. Однако якутский язык сильно пополнился русскими словами, даже слова, входившие в обиход в фонетизированном виде еще в дореволюционные годы, вновь орфографировались в русской форме начертания.

Развитие орфографической лексикографии в XXI в.

В постсоветский период происходили существенные изменения в языковой политике и языковом строительстве в Республике Саха (Якутия): якутский язык приобрел государственный статус, был принят Закон «О языках в РС(Я)», разработана Государственная программа по возрождению, сохранению и развитию языков коренных народов РС(Я), в 1996 г. 9 февраля был обнародован Указ Президента РС(Я) об объявлении «Дня родного языка и письменности» и т.д. Возникли благоприятные условия для широкого функционального развития якутского языка, поднятия его престижа как языка воспитания и обучения, наметилась тенденция к активизации научной орфографической деятельности, направленной на упорядочение якутской орфографии. П.А. Слепцов перед языковедами ставил задачи широко обсудить и апробировать большой орфографический словарь в 50–60 тысяч слов, охватывающий все слова литературного языка независимо от того, имеют они явные орфограммы или нет, за исключением большого круга производных и периферийных изобразительных, аффективных слов, принципиально не подлежащих кодификации [16. С. 58].

Орфографический словарь якутского языка (2002)

Институтом гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия) в 2002 г. был разработан и издан «Орфографический словарь якутского языка», имеющий около 41 500 слов и словоформ, составленный по новым правилам орфографии, утвержденным Постановлением Правительства РС(Я) от 14 февраля 2001 г. (далее – ОСЯЯ-2002, словарь) [17].

В дополнение к ранее опубликованному подробному анализу названного словаря [18] можно отметить, что ОСЯЯ-2002 – самый большой по объему лексикографический источник по якутской орфографии, отражающий лексику якутского литературного языка конца XX – начала XXI в. и современное нормативное словоупотребление. Этот словарь является концентрированным выражением принципиально нового отношения к родному языку, практическим воплощением новой языковой политики и языкового строительства по оздоровлению якутского литературного языка как языка государственного. В издание включены общеупотребительные слова и нуждающиеся в орфографической нормализации научные термины, просторечные и диалектные слова, устаревшие слова и неологизмы и т.п.

В отличие от предыдущих словарей в ОСЯЯ-2002 часть основ заимствованных из русского языка слов рекомендуется писать в двух вариантах: в фонетизированном (якутизированном) виде и с сохранением русской основы – это около 630 слов (приложение № 1), и только в русском начертании – около 280 слов (приложение № 2). Оба варианта считаются нормативными. В этом был экспериментальный характер словаря. Орфография 1962 г. в своей основе считалось «русификаторской» [19. С. 97], так как заимствованные слова советского времени предписывала оформить по цитатному принципу. Орфографирование заимствованных слов в словаре стремится учитывать их историческое написание, устоявшееся с 20–30-х гг. XX в. и даже с дореволюционного времени.

В указанный словарь впервые за всю историю составления орфографических словарей якутского языка включен список слов, произносимых через носовую *й* [j], например: *айах* «рот», *айыы* «грех», *куйах* «колючуга», *мэйи* «мозг», *туйах* «копыто», *хайыһар* «лыжи» и т.д. (всего 85 слов, составитель профессор И.Е. Алексеев), а

также выделены слова, пишущиеся с прописной буквы, например: *Аал Луук Мас* (название священного дерева) и т.д.

По сравнению с прежними словарями совершенно новым элементом было введение в скобках предупредительной пометы «буолб». (буолбатах «не допустимо»), что помогало более четко ориентировать пользователей относительно правильных и неправильных форм, например, *ханккыы* (*ханккы* буолб.) и т.п.

ОСЯЯ-2002 был издан под редакцией П.А. Слепцова в соответствии с его научной позицией об учете процесса переоценки ценностей и установок в области орфографии. В нем представлено правописание якутских слов, основанное на коренных, узуальных свойствах и закономерностях языка, отражено фонетизированное написание основной массы заимствованных слов вместо цитатного принципа, исключен несколько условный «принцип экономии» в написании словоформ. Резюмируя десятилетнюю практику использования названного орфографического словаря, П.А. Слепцов в одной из своих публикаций подробно изложил новые подходы к разработке якутской орфографии, обосновал необходимость усиления единого орфографического режима, существующие проблемы фонетизации заимствованных слов и обозначил конкретные пути их решения [20]. По его инициативе с целью решения актуальных задач в 2012 г. была создана Орфографическая комиссия при Правительстве РС(Я), в состав которой входили не только лингвисты, но и редакторы издательств, республиканских газет и журналов, преподаватели вузов, педагоги. По результатам деятельности комиссии, где секретарем работала автор статьи, были выработаны общие принципы правописания заимствованных слов, пересмотрены правила орфографии и пунктуации якутского языка, был проведен тщательный отбор фактического материала. Результаты работы комиссии нашли отражение в новой редакции Правил орфографии и пунктуации, утвержденной Постановлением Правительства РС(Я) от 22 декабря 2015 г., новом издании орфографического словаря.

Орфографический словарь якутского языка (2015)

Новый нормативный «Орфографический словарь якутского языка» [21] (далее – ОСЯЯ-2015 г., новый словарь) относится к общему типу орфографических словарей. По сравнению с предыдущим словарем

объем ОСЯЯ-2015 немного сокращён (около 32 тысяч слов и словоформ) – за счет снижения количества изобразительных, вариантных и диалектных слов, исключения экспериментальных, пробных словоформ, обусловленных особенностями «переходного периода» (1990-х гг.) – и является наиболее оптимальным.

В отличие от предыдущих орфографических изданий в новом словаре расширен перечень слов, пишущихся с прописной буквы, добавлены названия религиозных праздников, например: *Ороһуосна* «Рождество», *Кириһиэһинньэ* «Крещение», *Ыснааһан* «Спасов (день)», *Бөтүрүүөн* «Петров (день)» и т.д.

ОСЯЯ-2015 дополнен ранее не включенными исконно якутскими, а также заимствованными словами, которые имеют ту или иную орфограмму, например: *биллэх* «свояк», *бэргэн* «меткий», *дэйбиир* «махалка», *кырыыһа* «крыша», *холкуос* «колхоз» и т.д.

Новый словарь допускает вариативное написание наиболее распространенных словоформ, например: *аччыгый* – *оччугуй* «маленький», *даллабар* – *таллабар* «растопыренный», *оһуохай* – *оһуокай* «якутский национальный хоровод» и т.д.

Словарные статьи сопровождаются разного рода пояснениями: толкованиями слов, указаниями значения диалектизмов, архизмов, эвфемизмов и т.д., например, *ойоос* (уу арыыта) «остров», *бэбээрэр* (түөл.: курупааскы) «куропатка», *бөтлөкө* (харыс т.: эһэ) «медведь».

В ОСЯЯ-2015 основа орфографии ориентируется на коренные свойства и закономерности языка, в связи с этим устанавливается фонетизированное написание основной массы заимствованных из русского языка слов. Поэтому не включены основы слов в русской форме начертания. Заимствованные слова, вошедшие в дореволюционный период (их около 3 тыс. [22. С. 5]) и освоенные в разговорной речи носителей якутского языка, пишутся в фонетизированном виде.

Якутская орфография, как и орфографии других языков, имеет один основополагающий принцип – фонетический, определенный с учетом основных законов языка, письменной и устной речевой практики, речевых норм. Согласно современным Правилам якутской орфографии [23], руководствуясь фонетическим принципом, широкоупотребительные в разговорной речи заимствованные слова, адаптированные под звуковую строй якутского языка, пишутся также в фонетизированном виде. Вместе с тем сохраняется русское написание научно-технических, узкоспециализированных терминов.

Правила орфографии и пунктуации приведены в виде приложения к словарю вместе с Постановлением Правительства РС(Я) об утверждении правил орфографии.

Таким образом, ОСЯЯ-2015 как издание нового времени соответствует правилам современной якутской орфографии, и надеемся, что будет способствовать качественному подъему литературного языка в новых условиях.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, орфографический словарь должен разрабатываться как академический и не переиздаваться каждые десять лет с новыми, принципиально противоположными предыдущим, нормами правописания. Во-вторых, орфографические словари должны быть обязательны и доступны для всех, кто умеет читать и писать на якутском языке. В-третьих, язык массовых изданий, средств массовой информации (радио, телевидения, периодической печати, интернет-каналов), являющихся основными распространителями и популяризаторами культуры, в том числе культуры речи, должен быть образцовым и эталонным. В этой связи как никогда остро встает вопрос грамотности, соблюдения орфографических норм в этой сфере.

Отмечаются следующие тенденции развития орфографической лексикографии. Прежде всего, наблюдается сокращение спроса и потребности в бумажных изданиях. С учетом современного развития информационного общества нужно развивать разработку и реализацию форм онлайн-словарей. Кроме того, в настоящее время в связи с вступлением в силу новых доработанных правил якутской орфографии актуализируется необходимость издания орфографических словарей для учащихся, т.е. школьных орфографических словарей, для использования в образовательном процессе. Еще одним важным направлением является разработка словаря заимствованных из русского языка слов, поскольку проблема орфографирования данной категории слов является не до конца решенной.

Список источников

1. *Афанасьев П.С.* Современный якутский язык. Лексикология. Якутск : Изд-во Якут. гос. ун-та, 1996. 192 с. (На якут. яз.).

2. *Кара Г.* Якутский глоссарий Витзена (перевод с французского языка Аммосовой И.В.) // Altaica XIV (International annual periodical for Altaic studies). Institute of Language and Literature Mongolian Academy of Sciences. Ulan Bator, 2018. P. 207–212.

3. *Неустроев Н.Н.* Орфографический словарь (для 4–8-х классов). Якутск : Якут. кн. изд-во, 1983. 119 с. (На якут. яз.).

4. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-orientatsii-otechestvennoy-leksikografii-1> (дата обращения: 13.11.2021).

5. *Ойунский П.А.* Русско-якутский термино-орфографический словарь якутского языка / при участии С.П. Харитоновой, Г.С. Тарского. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935 // Ойунский П.А. Сочинения. Научные труды. Т. III. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1993. С. 124–456.

6. *Оконешников Е.И.* Послесловие к «Русско-якутскому термино-орфографическому словарю» П.А. Ойунского // Ойунский П.А. Сочинения. Научные труды. Т. III. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1993. С. 457–467.

7. *Ойунский П.А.* О якутской письменности // Кыым. 1937. 15 декабря (На якут. яз.).

8. *Ойунский П.А.* Якутский язык и пути его развития // Сочинения. Научные труды. Т. III. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1993. С. 5–122.

9. *Аммосова И.В.* О «Русско-якутском термино-орфографическом словаре» П.А. Ойунского // Kazakh Linguistics in the Modern World: Cognition, Culture, Communications. Алматы, 2020. С. 98–102.

10. *Орфографический справочник якутского языка* / сост. Л.Н. Харитонов, П.П. Барашков, И.И. Барашков, Д.К. Сивцев. Якутск : Госиздат, 1940. 96 с. (На якут. яз.).

11. *Барашков И.И., Григорьев Н.С.* Орфографический словарь якутского литературного языка. Якутск : Госиздат, 1942. 134 с. (на якут. яз.).

12. *Барашков П.П.* Орфографический словарь якутского языка. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1956. 190 с. (на якут. яз.).

13. *Правила якутской орфографии.* Якутск : Якут. кн. изд-во, 1963. 40 с.

14. *Барашков П.П., Петров Н.Е.* Орфографический словарь якутского языка / под ред. Л.Н. Харитоновой. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1963. 211 с. (на якут. яз.).

15. *Харитонов Л.Н., Петров Н.Е.* Орфографический словарь якутского языка. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1975. 192 с. (на якут. яз.).

16. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск : Наука, 1990. 276 с.

17. *Орфографический словарь якутского языка* / под ред. П.А. Слепцова. Якутск : Сахаполиграфиздат, 2002. 543 с. (на якут. яз.).

18. *Васильева Н.М.* Кодификация орфографических норм якутского литературного языка // Научный диалог. 2019. № 12. С. 9–20.

19. *Слепцов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания. Якутск : Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2008. 544 с.

20. Слепцов П.А. Об орфографическом словаре якутского языка // Кыым. 2012. 7 июня (на якут. яз.).
21. Орфографический словарь якутского языка / сост. А.Г. Нелунов, Н.И. Попова, Н.М. Васильева и др. Якутск : Бичик, 2015. с. 480. (на якут. яз.).
22. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (до-революционный период). Якутск : Якуткнигоиздат, 1964. 196 с.
23. Правила якутской орфографии и пунктуации / сост. А.Г. Нелунов, Н.И. Попова, Н.М. Васильева и др. Якутск : Бичик, 2016. 48 с. (на якут. яз.).

References

1. Afanas'ev, P.S. (1996) *Sovremennyy yakutskiy yazyk. Leksikologiya* [Modern Yakut language. Lexicology]. Yakutsk: Yakutsk State University. (In Yakut).
2. Kara, G. (2018) Yakutskiy glossariy Vitzena [Witzen's Yakut glossary]. (Translated from French by Ammosova I.V.) In: *Altaica XIV*. Ulan Bator: Institute of Language and Literature Mongolian Academy of Sciences. pp. 207–212.
3. Neustroev, N.N. (1983) *Orfograficheskiy slovar' (dlya 4–8 klassov)* [Spelling dictionary (for grades 4–8)]. Yakutsk: Yakutskoye knizhoye izdatel'stvo. (In Yakut).
4. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2014) Modern orientations of Russian lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (5). pp. 5–15. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-orientatsii-otechestvennoy-leksikografii-1> (Accessed: 13.11.2021).
5. Oyunskiy, P.A. (1935) *Russko-yakutskiy termino-orfograficheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Russian-Yakut terminological and spelling dictionary of the Yakut language]. Moscow: Gos. uchebno-ped. izd-vo. In: Oyunskiy, P.A. (1993) *Sochineniya. Nauchnye Trudy* [Collected works. Scientific works]. Vol. 3. Yakutsk: Yakutskoye knizhoye izdatel'stvo. pp. 124–456.
6. Okoneshnikov, E.I. (1993) Posleslovie k “Russko-yakutskomu termino-orfograficheskomu slovaryu” P.A. Oyunskogo [Afterword to the “Russian-Yakut terminological and spelling dictionary” by P.A. Oyunsky]. In: Oyunskiy, P.A. *Sochineniya. Nauchnye Trudy* [Collected works. Scientific works]. Vol. 3. Yakutsk: Yakutskoye knizhoye izdatel'stvo. pp. 457–467.
7. Oyunskiy, P.A. (1937) O yakutskoy pis'mennosti [About the Yakut writing]. *Kyym*. 1937. 15 December. (In Yakut).
8. Oyunskiy, P.A. (1993) Yakutskiy yazyk i puti ego razvitiya [Yakut language and ways of its development]. In: Oyunskiy, P.A. *Sochineniya. Nauchnye Trudy* [Collected works. Scientific works]. Vol. 3. Yakutsk: Yakutskoye knizhoye izdatel'stvo. pp. 5–122.
9. Ammosova, I.V. (2020) [About the “Russian-Yakut terminological and spelling dictionary” by P.A. Oyunsky]. *Kazakh Linguistics in the Modern World: Cognition, Culture, Communications*. Proceedings of the International Conference. Almaty. 15–16 May 2020. pp. 98–102. (In Russian).
10. Kharitonov, L.N., Barashkov, P.P., Barashkov, I.I. & Sivtsev, D.K. (eds) (1940) *Orfograficheskiy spravochnik yakutskogo yazyka* [Spelling guide of the Yakut language]. Yakutsk: Gosizdat. (In Yakut).

11. Barashkov, I.I. & Grigor'ev, N.S. (1942) *Orfograficheskiy slovar' yakutskogo literaturnogo yazyka* [Spelling dictionary of the Yakut literary language]. Yakutsk: Gosizdat. (In Yakut).
12. Barashkov, P.P. (1956) *Orfograficheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Spelling dictionary of the Yakut language]. Yakutsk: Yakutskoye knizhoye izdatel'stvo. (In Yakut).
13. Kharitonov, L.N. (1963) *Pravila yakutskoy orfografii* [Rules of the Yakut spelling]. Yakutsk: Yakutskoye knizhoye izdatel'stvo.
14. Barashkov, P.P. & Petrov, N.E. (1963) *Orfograficheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Spelling dictionary of the Yakut language]. Yakutsk: Yakutskoye knizhoye izdatel'stvo. (In Yakut).
15. Kharitonov, L.N. & Petrov, N.E. (1975) *Orfograficheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Spelling dictionary of the Yakut language]. Yakutsk: Yakutskoye knizhoye izdatel'stvo. (In Yakut).
16. Sleptsov, P.A. (1990) *Yakutskiy literaturnyy yazyk. Formirovanie i razvitie obshchenatsional'nykh norm* [Yakut literary language. Formation and development of national norms]. Novosibirsk: Nauka.
17. Sleptsov, P.A. (ed.) (2002) *Orfograficheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Spelling dictionary of the Yakut language]. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat. (In Yakut).
18. Vasil'eva, N.M. (2019) Codification of Spelling Norms of the Yakut Literary Language. *Nauchnyy dialog*. 12. pp. 9–20. (In Russian).
19. Sleptsov, P.A. (2008) *Stupeni i problemy yakutskogo yazykoznaniya* [Steps and problems of Yakut linguistics]. Yakutsk: IHRNIPP SB RAS.
20. Sleptsov, P.A. (2012) Ob orfograficheskom slovare yakutskogo yazyka [On the spelling dictionary of the Yakut language]. *Кыым*. 7 June (In Yakut).
21. Nelunov, A.G., Popova, N.I. & Vasil'eva, N.M. (eds) (2015) *Orfograficheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Spelling dictionary of the Yakut language]. Yakutsk: Bichik. (In Yakut).
22. Sleptsov, P.A. (1964) *Russkie leksicheskie zaимstvovaniya v yakutskom yazyke (dorevol'yutsionnyy period)* [Russian lexical borrowings in the Yakut language (pre-revolutionary period)]. Yakutsk: Yakutknigoizdat.
23. Nelunov, A.G., Popova, N.I. & Vasil'eva, N.M. (eds) (2016) *Pravila yakutskoy orfografii i punktuatsii* [Rules of the Yakut spelling and punctuation]. Yakutsk: Bichik. (In Yakut).

Сведения об авторе:

Васильева Надежда Матвеевна – канд. филол. наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия). E-mail: tnm69@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nadezhda M. Vasilyeva, Cand. Sci. (Philology), researcher at the Yakut Language Department of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: tnm69@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.12.2021;
одобрена после рецензирования 06.05.2022; принята к публикации 06.06.2022*

*The article was submitted 27.12.2021;
approved after reviewing 06.05.2022; accepted for publication 06.06.2022*

Научная статья

УДК 81'28

doi: 10.17223/22274200/24/3

Мультимедийная электронная система «Говор северной деревни» как основа создания диалектных словарей

Елена Николаевна Ильина¹, Светлана Алексеевна Ганичева²

¹ Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

² Вологодский многопрофильный лицей, Вологда, Россия

¹ filfak@list.ru

² sganicheva@mail.ru

Аннотация. Рассматривается электронная мультимедийная система «Говор северной деревни» (www.borbushino.vogu35.ru), отражающая специфику севернорусских белозерско-бежецких говоров посредством системного описания говора деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области. Характеризуется уже созданный с привлечением лексических материалов этой системы опыт регионального толкового словаря и определяются перспективы создания диалектных словарей иных типов.

Ключевые слова: диалектная лексикография, говоры Вологодской области, мультимедийная электронная система «Говор северной деревни»

Для цитирования: Ильина Е.Н., Ганичева С.А. Мультимедийная электронная система «Говор северной деревни» как основа создания диалектных словарей // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 51–69. doi: 10.17223/22274200/24/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/24/3

The Dialect of the Northern Village multimedia electronic system as the basis for the creation of dialect dictionaries

Elena N. Ilyina¹, Svetlana A. Ganitcheva²

¹ Vologda State University, Vologda, Russia

² Vologda multidisciplinary lyceum, Vologda, Russia

¹ *filfak@list.ru*

² *sganicheva@mail.ru*

Abstract. The research is relevant because it is necessary to make a lexicographic description of the local speech content, which is collected on the territory of the historical Belozerye. The materials collected on this territory are available in various dialect dictionaries, but so far they have not been studied as a whole lexico-semantic system. To solve this problem, in 2019–2021, we created an electronic multimedia system: The Dialect of the Northern Village (www.borbushino.vogu35.ru). It presents the results of the study of the dialect of the Borbushino village in Kirillovsky District of Vologda Oblast – one of the rural settlements of this territory. This study lasted for more than thirty years. The key problem solved in the framework of this article is the understanding of the prospects for using the materials of the Dialect of the Northern Village electronic resource in the practice of creating various dialect dictionaries. The aim of the work is to characterize the existing experience of lexicographic descriptions of the dialect system in the format of an electronic resource, as well as to comment on the prospects of including the materials we collected in the format of a morphemic and word-formation dictionary, a dictionary of a language personality, and a thematic ethnolinguistic dictionary. The objectives of the work are: (1) to characterize the local speech content presented in the electronic multimedia system; (2) to describe our experience in creating a differential explanatory dictionary of Cyrillic dialects; (3) to consider the prospects of including the materials we have collected in dialect dictionaries of other purposes, types and structures. The material for the study was more than 250 texts recorded from the words of dialect speakers or presented in their own memoir records, as well as more than 30,000 microtexts illustrating the contextual use of the lexical set we are studying. The material was collected by the method of conversation according to the questionnaire program of the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects, as well as according to the authors' programs focused on the collection, classification and analysis of the derived vocabulary of the dialect. As a result,

we have concluded that the collected materials can form the basis of a morphemic and word-formation dictionary, an ethnolinguistic dictionary representing the information of the thematic spheres “Nature”, “Man”, “Material Culture”, “Spiritual Culture”, as well as a dictionary of the language personality of Nikolai Pavlovich Shabrov, a native of the Borbushino village. The Dialect of the Northern Village electronic multimedia system (www.borbushino.vogu35.ru) is already used in the practice of research and educational work, and the creation of various dialect dictionaries based on it will make this work more concrete and effective.

Keywords: dialect lexicography, Vologda dialects, Dialect of the Northern Village multimedia electronic system

For citation: Ilyina, E.N. & Ganicheva, S.A. (2022) The Dialect of the Northern Village multimedia electronic system as the basis for the creation of dialect dictionaries. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 24. pp. 50–68. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/24/3

Говоры исторического Белозерья достаточно давно исследуются диалектологами, в том числе и в практике лексикографического описания. Одним из первых диалектных словарей, отражающих специфику лексического состава говоров этой территории, можно назвать «Словарь Череповецкого уездного говора» Михаила Кондратьевича Герасимова, изданный в 1910 г. в Санкт-Петербурге [1]. Позже с учетом записей местной речи были созданы ономастические [2, 3] и толковые диалектные словари: «Словарь русских народных говоров» [4], «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» [5], «Словарь западных говоров Вологодской области» [6], «Словарь вологодских говоров» [7] и др. Тем не менее говоры этой территории до сих пор не описаны как единая лексико-семантическая система, которая, судя по уже имеющимся опытам её репрезентации, обладает заметными диалектными особенностями. Решению этой проблемы способствует созданная нами электронная мультимедийная система «Говор северной деревни»¹ [8], в которой систематизированы результаты более чем тридцатилетнего изучения говора одного типичного для Белозерья сельского поселения – деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области. Материалы созданной нами мультиме-

¹ Создание электронной мультимедийной системы осуществлялось при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского р-на Вологодской области)».

дийной системы заложили основу для создания нескольких лексикографических проектов. Цель данной статьи – охарактеризовать эти проекты на текущей стадии их разработки и определить перспективы вхождения собранных и систематизированных материалов в диалектные словари различных типов.

Деревня Борбушино впервые упоминается в письменных источниках около пятисот лет назад [2. С. 17]. Некогда многолюдное сельское поселение, говор которого вологодские диалектологи изучали с конца 80-х годов XX века, в настоящее время практически обезлюдело¹: деревня «оживает» в летний период, когда на отдых приезжают потомки коренных жителей. В период активного сбора диалектных данных беседы с информантами велись по программе-вопроснику «Лексического атласа русских народных говоров» [10], по авторским программам, направленным на выявление и описание производной лексики говора [11], а также в практике свободного диалога с жителями деревни. Кроме того, мы получили возможность работы с записями меуарного характера семьи Шабровых: наиболее подробными оказались воспоминания о деревенском детстве Николая Павловича Шаброва [12. С. 159–288], доступны также рассуждения о прошлом его матери Анны Алексеевны Шабровой/Татауровой [13. С. 75–99] и сестры Ольги Павловны Мышиной/Шабровой [14]. Все имеющиеся в нашем распоряжении материалы были оцифрованы и введены в разработанную нами оболочку мультимедийной системы [15], уточнены в процессе дообследования говора 2019–2021 гг. и в отредактированном виде выложены в свободном доступе на сайте Вологодского государственного университета. В настоящее время электронная мультимедийная система объединяет толковый словарь диалектных слов, записанные на исследуемой территории устные рассказы, рукописные тексты воспоминаний носителей говора, фотографии, библиографические данные, видео- и аудиоархив.

Словарная составляющая ресурса «Говор северной деревни» размещена отдельной вкладкой [8], она включает в себя около пяти тысяч словарных статей диалектных слов, зафиксированных в Кирилловском районе Вологодской области. В словаре возможны поиск и сортировка материалов по нескольким параметрам: по алфавиту, по

¹ По данным переписи населения 2002 года, на территории деревни было зарегистрировано 30 человек [9].

грамматическим характеристикам заголовочного слова (часть речи, род имени существительного, вид и переходность глагола), по персонологическим характеристикам (наличие или отсутствие фиксации в речи семьи Шабровых), а также по географическим пометам (отнесенность ко всему району или непосредственно к борбушинскому говору) и по источнику [8]. Пример словарной статьи показан на рис. 1.

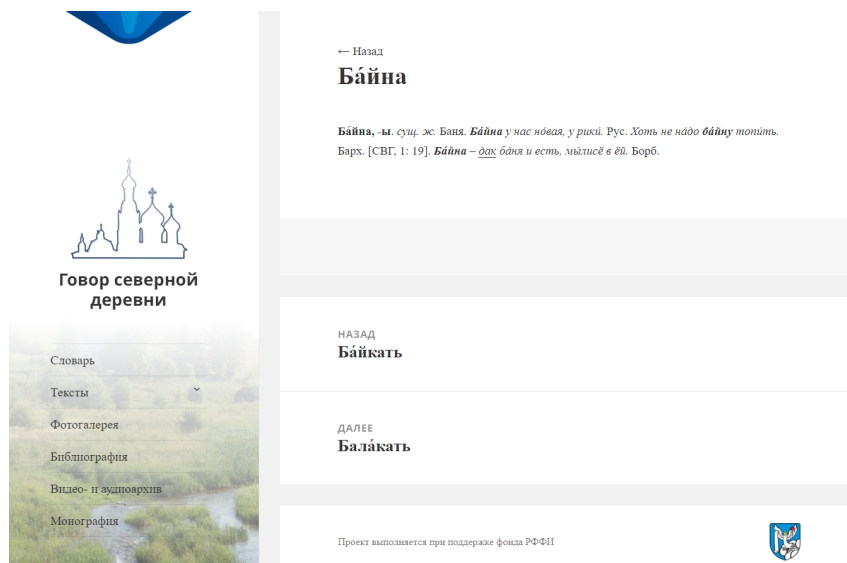

Рис. 1

Информация в данной словарной статье в практике реализации всех заявленных видов поиска будет представлена в грамматической парадигме имен существительных женского рода (922 слова), в составе материалов по Кирилловскому району, опубликованных в «Словаре вологодских говоров» (2004 слова), подтвержденных записями речи жителей д. Борбушина (мы записывали эти данные лично в одной из ранних экспедиций (1990 г.) со слов старожилов деревни (1890–1900 г.г.); в более поздних записях в этом значении используется общерусская лексема *баня*.

Систематизированные нами экспедиционные материалы представлены также в словарном приложении к монографии «Речевая культу-

ра Белозерья в фокусе говора одной деревни» [16] как опыт дифференциального толкового словаря кирилловских говоров. На сайте «Говор северной деревни»¹ это приложение имеет двухцветную версию: красным цветом выделены заголовочные слова, значения которых проиллюстрированы исключительно фрагментами речи борбушинских жителей (по предварительным подсчётам, это около ¼ словника, т.е. примерно 1300 слов).

Созданный нами опыт дифференциального толкового словаря кирилловских говоров по своей структуре и лексикографической концепции во многом наследует традиции подобных словарей XX в., в частности «Словаря вологодских говоров» [7]. Структура словарной статьи нашего словаря кирилловских говоров вполне традиционна: она включает в себя заголовочное слово, его грамматическую и функционально-стилистическую характеристику, толкование и контекстуальное подтверждение значений слова, устойчивые выражения, в состав которых оно входит, а также информацию о том, где это слово было зафиксировано. Все цитаты снабжены географическими пометами, их состав в целом соотносится со списком сокращений населённых пунктов по Кирилловскому району в «Словаре вологодских говоров»². Цитатный материал из «Словаря вологодских говоров (СВГ) и его картотеки дается с указанием на источник: **Байна**, -ы, ж. *Баня*. Байна у нас новая, у рики. Рус. (СВГ, 1: 19). Байна – дак баня и есть, мылисе в ёй. Борб. Сделанные нами записи речи борбушинских жителей маркируются только географически. Цитатный материал дается преимущественно в орфографической записи, но может отражать фонетико-морфологические особенности исследуемых говоров. В целом словарная статья созданного нами словаря кирилловских говоров даёт весьма полное представление о фонетико-акцентологических и грамматических особенностях слова, его семантике и специфике употребления в диалектной речи.

¹ Вкладка «Монография». URL: https://borbushino.vogu35.ru/wp-content/uploads/2022/01/SPEECH_CULTURE_OF_BELOZERYA.pdf

² В ряде случаев нет возможности разграничить ранее собранные и проиндексированные данные при совпадении названий (или начала названий) различных – в том числе и исчезнувших ныне – деревень: например, Андр. – д. Андреевская Чарозерского или Коварзинского сельских поселений, Верх. – д. Верхоглядово Талицкого сельского поселения или д. Верхняя Гора Ферапонтовского сельского поселения и др.

Ба́ннушко, -а, м. Устар. *Сверхъестественное существо, живущее в бане*. Баннушко-то у нас порядошной, не шалит! Я помоюсь, дак всегда баннушка благодарю: «Спасибо, батюшко-бавнушко, за тёплую банюшку!» Борб. Пришла девушка гадать в баню. Взяла зеркало и села перед ним в полночь. Смотрит. Видит, что сзади идет мужик в чёрном. Она испугалась, закричала. Это был баннушко. Он ее задавил. Пришли утром в баню, а она лежит мёртвая. Борб. Ну вот подполье – подпольюшко, баня – баннушко есть. Борб.

Ба́нный > **Банный ба́тюшко, ба́нная матушка, банный хозяин**. *Ласковое обращение к духам, по суеверным представлениям, живущим в бане*. Мыться пойду, дак скажу: «Банный ба́тюшко да банная матушка, дайте добрую банюшку! Косточки погреть да тело помыть!» Вот сколь годов живу – в бане не угарывала! Борб. Банного-то хозяина тожо почитать надэ. Не сорить в бане, на пол не стять, по ночам не мыться – это евонное вримё! Борб.

Ба́нный, -ого, м., □ в знач. сущ. Устар. *Злой дух, живущий в бане, вид домового*. Банный жил в бане, его боялись. Сухов. (СВГ, 1: 21). Моесё с фонарём-то, а боиссё: вдрут бавный тибя по жопе-то погладит, шёрстяной-то лапой? Борб.

Лексико-тематическое и иллюстративное богатство созданного нами словаря, а также различные виды поиска внутри его гипертекстовой версии определяют перспективы создания на основе созданной нами мультимедийной системы «Говор северной деревни» других диалектных словарей. В первую очередь это словарь языковой личности одного из наших основных информантов – Николая Павловича Шаброва, 1938 г.р. Записи речи Н.П. Шаброва велись с конца 1980-х гг., сначала эпизодически, в диалогах информанта с его матерью – сельской учительницей А.А. Шабровой 1911 г. р. Позже по нашей просьбе информант ответил на все вопросы Программы «Лексического атласа русских народных говоров», а также написал около ста текстов о своей родине, деревенском детстве, традиционных трудовых занятиях и развлечениях сельских жителей, своей профессиональной деятельности и семье. Опыт многолетнего сотрудничества с информантом позволил обобщить полученные сведения в электронном ресурсе «Материалы к словарю языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области» [17]. Здесь представлены тематическая и алфавитная версии словаря, включающие в себя толкование около трёхсот диалектных слов, список текстов мемуарного характера в сочетании с их лингвистическим комментарием и с приложением сканированных копий рукопи-

сей автора, биографическая справка об информанте, опыт описания его речевого портрета, а также фотоархив проекта.

Один из рассказов Н.П. Шаброва, посвященный строительству и ремонту бани, представлен на рис. 2.

Материалы к словарю языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области	
Словарь Тексты Речевой портрет Биографическая справка Фотоархив О проекте	Как строили баню Баня построена на месте бывшей бани, которая стояла много лет после последней для неё помывки. Нас с сестрой в деревне уже не было, а мать мылась в соседской бане у Александры Дмитриевны. И вот настал момент, когда баня стала уже нужна. Брёвна на баню вывез Коля Маркелов трактором из большого выгона, где заготавливали еловые ветки для коров (ветки мололи на мельнице на муку). Баню строили всем миром, мужским и женским. Щепу убрали женщины. А Василий Ардальонович, мой тесть, был за старшего. Мы же, Павел Петрович, зять, и я – два в помощники ему. Баню срубили, настлали полы. Прошло время! Полы сгнили, да и баню надо подрубить на два ряда. Василий Ардальонович уже не был живым. Стали ремонтировать Павел Петрович и я. Чтобы поднять баню, вытащить нижние брёвна и поставить новые, нужно было выцепить баню, поднять её. Помогал нам плотник Игорь Павлович Иванов. Баню выцепляли на рельсы (4 штуки длиной 2 м 70 см), которые были приготовлены для ремонта полов Норы (так Елена* называет свою крохотную зыновку). И от полов в бане решили отказаться. И канцелену** сделали из кирпича. Она стоит на бетонной плите. Пол тоже сделали бетонный, и на него положили трапы***, хотя от этого стала баня полностью помывочной в полном смысле этого слова. На полке жарко, а на полу холодно. Вот такая и стоит. Название ей – «чёрная баня». *Дочь Н.П. Шаброва. **Канцеленка – печь в чёрной бане, сложенная из кирпичей и не имеющая дымохода. ***Трапы, трапик – настил из досок. Скан рукописи

Рис. 2

Обращение к полному корпусу данных, собранных в борбушинских экспедициях, во-первых, позволит дополнить перечень толкуемых слов, уточнить и расширить их лексикографическое описание, а во вторых, даст возможность сопоставить характеристики языковой личности Николая Павловича Шаброва с описанием его сестры и матери с целью создания языкового портрета одной из типичных семей сельской интеллигенции середины XX в.

Экспедиционные наблюдения, сделанные нами в Борбушине в процессе работы по программе «Лексическое атласа русских народных говоров», определяют перспективы создания на основе этих данных этнолингвистического словаря, внутри которого могут быть охарактеризованы тематические сферы «Природа», «Человек», «Материальная культура» и «Традиционная духовная культура». Предварительную характеристику этих тематических сфер мы представили в серии монографий, посвященных описанию языковой картины мира вологодского крестьянина [18, 19], а также в коллективной монографии «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни» [16]. Автоматизация тематической сортировки собранных нами материалов, размещенных в системе «Говор северной деревни», будет способствовать скорейшему созданию такого словаря.

Так, на пересечении нескольких тематических сфер может быть рассмотрен собранный нами материал о БАНЕ, включающий в себя **общие названия** бани (*Это жердь, вон в банях* для белья, *обчищенная жердь, грядка звалась. Байна у нас новая, у реки*), названия отдельных ее **помещений** (*Она испугалась, на передбаенок села*), отопительных сооружений и их составных частей (*Каменку* ложили в бане, *не с кирпича там печка. На камень-то поддай кипятку-то, дак в бане потепляя будёт!*), **приспособлений** для размещения одежды (*Грядка-то у нас, поди, только в бане осталась – зайдёшь как, дак вдоль печки, к окошку*), банного инвентаря (*Угловничок вон вишь? Вот мыла туда и валим*) и самих моющихся (*На лавку таз свой ложи да садись тут. На полке не больно жарко сёдни, можно и туда, дак там мыться не больно удобно, на лавке ловчая*), названия **банного инвентаря** и материалов его изготовления (*Тазы вон, ковшик не один надэ в баню, вёдра. Вон вехотки висятсё, виники. Из чистушки венники всё ломают*), названия **действий**, производимых во время мытья в бане (*Надавай-ко ещё на камень-то, обздани! Пошварь ты мне, ради Христа, болит спина-то! Ты меня, деушка, сокати, дак я и буду вытираться-то*), а также различного рода **характеристики** бани – положительные (*Ох, добра банька-то, жаркая, и воды хоть залейсё!*) и отрицательные (*Простылая баня, не попариссё ужсо, так только если сполоснуться. Больно угарная баня, мыться нельзя*). **Устойчивые выражения**, зафиксированные в наших материалах, отражают специфику строительства бани (*Чистая баня*. Баня с дымоходной печью. *У нас есть и чистые бани, но их стали позднее делать*), а также особенности осмысления прагматических ситуаций, связанных с баней, в системе народного речевого этикета: ♦ *С лёгким паром (с мокрой ж...ой)*. Приветствие тому, кто пришёл из бани. *Из бани идёшь-от, разомлиёшь, хорошо! Дак дома скажут: «С лёгким паром!» А дедко мой всё добавил: «С лёгким паром, с мокрой ж...ой!»*; ♦ *Мыло в корыте*. Пожелание хозяйке, стирающей белье. *Иду мимо дмитревниной бани, дак вижу, что стираёт, говорю: «Шура, мыло в корыте!»*.

В наших материалах зафиксированы также названия **сверхъестественных существ**, по местным поверьям, проживающих в бане (*Баннушко-то у нас порядошной, не шалит! Я помоюсь, дак всегда баннушка благодарю: «Спасибо, батюшко-бавнушко, за тёплую баннушку!» Мыться пойду, дак скажу: «Баннный батюшко да банная*

*матушка, дайте добрую банюшку! Косточки погреть да тело помыть!» Вот сколь годов живу – в бане не угарывала! Моессё с фонарём-то, а боиссё: вдруг **бавный** тибя по жопе-то погладит, шёрстяной-то лапой?), а также названий **людей** по роду **занятий**, чье ремесло так или иначе было связано с баней: В баню, мама рассказывала, раньше рожать ходили. Фершалов не было – **бабку** позовут, а то и так, уж кто как. **Знатьё** у нас, поди, вон Некрасиха знала, да, можот, ёйный брат, Олёха Жук. Некрасиху дак, помню, в баню зывали бабы – пошёнцёт, дак и попройдёт. **Знациха** дак.*

Ориентируясь на словарную статью БАНЯ в первом томе этнолингвистического словаря «Славянские древности» [20. С. 138–140], а также учитывая пересечение утилитарного и сакрального в восприятии бани диалектоносителями, можно представить описание этого объекта народной культуры в словарной статье, основным содержанием которой становится этнолингвистический комментарий фиксируемого нами речевого материала.

БАНЯ – вид деревянной постройки, предназначенной для мытья; место обитания сверхъестественных существ, совершения некоторых семейных обрядов и гаданий.

Наличие у крестьянской семьи собственной бани было признаком её благополучия (*У старух вон если да у зимогоров каких бань не было, а путнийё хозяева все с баням*). В отличие от других построек семейного пользования бани располагались не возле домов, а около водоемов (*Наша-то баня не больно на мисте, дак у самого-то озера уж не втолчёссь, и так вон понаставили*). Положительно оценивается постройка бани по всем правилам плотницкого дела (*Дедко твой Вася бань этих оклал не одну сотню, поди, дело своё знал, дак по сию вон пору стоит банька-то!*), возможность комфортного размещения в ней человека (*У их не баня, а живопырка: хоть на карачках мойсё!*), опрятность внутреннего убранства (*Не баня, а хлев! Тута у их всякого жита по лопате, вот что за хозяева-ти непутнийё?*), отсутствие недостатка в наличии дров, воды и банных принадлежностей (*В бане своя полинница сложена, как без дров-то! Воды два котла да в вёдрах – куды как добро! Приехала весной, а на полке-то мышинные говна, и мыло всё сожрали, не одну печатку! Чем хошь топерь, тем и мойсё!*). Излишествами нового времени информанты считают электрическое освещение (*Дмитриевна как баронь моется – лампочка в бане горит, а мы по-старопрежнёму, с фонарём, со свечкам*), подачу

воды с помощью электрического насоса и установку современных стиральных машин: *У нас чео: корыто вон да доска стиральная! А топере понаставили машин – тут тебе и воду подвели с копанца, и само стираёт! Вот чео бабам топере не жись, а?*

Традиционным банным днем информанты называют субботу (*Мылись-то когда? А по субботам положёно*); очередность помывки в бане всех членов семьи зависела от семейной иерархии и взаимоотношений с соседями (*Перва сам идёт, можот, с мужиками, кто есь. Потом хозяйка с робятам, их там намываёт, а баушка встreceёт, самовар ставит. Потом, можот, и старики, им-то поштё в жар-от самой идти? Оне пойдут, уж когда простынёт маленько. Потом, свои-то помылись да вода если осталась, дак клицём Клашу да Некрасиху: собирайтесь, баушки, в баню!*), порядок действий во время мытья определялся также традициями места (*Девки, помню, у меня в бане чуть не разодрались. Одна кричит, что сначала голову, а потом тело. А другая наоборот: намылась, а потом голову моёт и вся собкачиваётся. Дак смеху-то было! У нас, поди-ко, с головы начинают, а потом себя нашиваривают*). Результат похода в баню оценивался с учетом всех составляющих (*Хорошо намылась: воды Ольга наносила, дак хоть залейсё. Спину мне прошиварила как следуёт. Да и тут, смотри, самовар готов, да и преники не все, гляди-ко, утром пришли!*), сам факт мытья в бане осмысливался как великое благо: *У нас как баушка говорила Парасковья – в бане помылсё, дак как в церковь сходил, грехи сдал! Испортить впечатление о банной процедуре могли суетливые, привередливые или непривычные к деревенской бане спутники (Сёстра-то, городская, дак вся-то истоналась: то ёй жарко, то ёй парко, а потом дак вовсе ковшик себе на ноги с кипятком пролила. Я вся изматюкалась, что с ёй пошла. Путнё и не помылась!), а также болезнь (Сошла в баню, наклонилась, дак ой – и разогнуться не могу, вся-то пала. Какая уж баня!) или иные непредвиденные обстоятельства (Кричат, что робята отвод повалили. Я и не помылась толком, оделась, да взяла крапивы хорошей, да их, выпоротков, отходила. Потом отвод ставили. К ночи, поди, уж домывалась, баня вся простыла!)*.

С баней связаны многие мифологические представления и обрядовые действия: они сопровождали строительство бани (*Баню ложили, дак тожо деньгу под угол-то клали, чтоб стоела. Оклали – дак, понятно, выпить надо, обмыть строеньё*), начало и окончание банной процедуры (*Мыться пойду, дак скажу: «Баннный батюшко да банная*

матушка, дайте добрую банюшку! Я помоюсь, дак всегда баннушка благодарю: «Спасибо, батюшко-бавнушко, за тёплую банюшку!»), систему запретов и правил поведения в бане (Банного-то хозяина тожо почитать надэ. Не сорить в бане, на пол не стять, по ночам не мыться – это евонноё врёмё!), особенности совершения в бане семейных обрядов, связанных со вступлением в брак (Мы ужэ в советску пору женилисё, дак ничего не сполняли особо: упишут в сельсовете, и хорошо! Ну, в баню, понятно, хаживали, если по-черёдному сходилисё, а самоходкой, дак кака баня!), рождением детей (В баню, мама рассказывала, раньше рожать ходили. Фершалов не было – бабуку позовут, а то и так, уж кто как), народным целительством (Некрасиху дак, помню, в баню зывали бабы – пошёнцёт, дак и попойдёт) и гаданием (Мы девками в баню ходили гадать, страшно! Зачертиссё, и спрашивашь, а чё уж спрашивали, дак и не помню, девки, поди, на жонихов).

Баня определялась как место проживания сверхъестественных существ, в первую очередь, банника¹. Информанты определяют его зооморфный (Баннушка я поди-ко видел, вот как кошка, а глаза-ти уголькам свияццо) или антропоморфный облик (Видит, что сзади идет мужик в чёрном. Она испугалась, закричала. Это был баннушко), наличие у него семьи (Мыться пойду, дак скажу: «Баннный батюшко да банная матушка, дайте добрую банюшку! Косточки погреть да тело помыть!»), функции присмотра за порядком в бане (Баннушко за банёй глядит, чтоб не зимогорил никто. Баннушко-то у нас порядоиной, не шалит! Это был баннушко. Он ее задавил) и сосуществование с иными сверхъестественными существами (В избе, понятно, свой хозяин – домовый батюшко, со своёй маткой да с дитями. А им чё дилить-то: овиннушко тута, банник тамо, а лешой с кикиморам вообще сам по себе).

Комментарий подобного рода позволяет представить баню как компонент бытовой и духовной культуры исследуемой нами территории, понять пограничное положение бани между «своим» и «чужим» пространством в диалектной языковой картине мира [21], а также выяснить, какие из представлений об утилитарном и сакральном назначении бани сохранились в народном сознании в большей или меньшей степени.

¹ Информация о БАННИКЕ может быть помещена в отдельную словарную статью (см, например, [20. С. 137–138]).

Наконец, введение в состав электронной мультимедийной системы материалов диалектологических экспедиций, направленных на сбор, интерпретацию и анализ производной лексики говора, определяет перспективы создания на основе полученных данных гнездового словообразовательного словаря. Эта работа является продолжением уже состоявшейся попытки создания «Электронного словаря строения слов» [22] на основе словника двенадцати опубликованных выпусков «Словаря вологодских говоров». Вместе с тем эти опыты будут иметь существенные различия: если словарь строения слов организован по дистрибутивному принципу и, характеризуясь известной неполнотой, объединяет в корневые гнёзда и аффиксальные парадигмы как непроеизводные диалектные слова, так и слова различных ступеней производности, то гнездовой словообразовательный словарь говора будет представлять собой совокупность производной лексики исследуемого говора, организованную в типовые словообразовательные гнёзда недифференцированного состава. Примеры словарных статей морфемного (А) и словообразовательного (Б) словаря представлены ниже.

А) Статья морфемного словаря, структурированная по данным опубликованных выпусков и картотеки «Словаря вологодских говоров»¹:

баж/А/ть ‘хотеть’

баж/И/ть ‘хотеть’

баж/И/ть/ся ‘хотеться’

баж/Ён/ый ‘любимый, желанный’

за/баж/А/ть/ся ‘захотеться’

при/баж/И/ть/ся ‘захотеться’

у/баж/А/ть ‘испытывать любовь, уважать’

у/баж/Ён/ок/0 ‘ласковое обращение к ребёнку’

у/баж/Ён/к/а ‘любимица’

у/баж/н/ый ‘дорогой для сердца, любимый’

у/баж/н/ик/0 ‘балованный ребёнок’

у/баж/н/иц/а ‘любимица’,

дает возможность убедиться в том, что процессуальный корень *-баж-*, широко представленный в русских диалектах (ср.: *бажать* ‘хотеть, желать’ (нижегор., новг., смол., тамб., ворон., курск., пенз., симб., казан., куйб., волог., арх., олон. и др.) [4. 2. С. 44–45]), в исследуемых говорах имеет свободную дистрибуцию (*баж/ит*, *баж/ат*), формирует

¹ Ударение в словах обозначено заглавной буквой.

достаточно объемное по лексическому составу корневое гнездо, характеризующееся семантической однородностью: все составляющие его слова так или иначе связаны со значением «иметь внутреннее стремление к осуществлению чего-либо или обладанию чем-либо, хотеть, желать». Среди беспрефиксных образований этого гнезда соседствуют глаголы первого (*баж/а[j-y]*, *баж/а[j-ym]*) и четвертого (*баж/у*, *баж/ат*) словоизменительных типов [23. С. 78] с суффиксами *-а-* и *-и-*. Аспектуальные различия в семантике этих глаголов практически не ощущаются (*бажит повидаться*, *бажает знать*), следовательно, в исследуемом нами множестве однокоренных слов эти глаголы могут быть рассмотрены как вариантные образования, каждое из которых реализует собственный деривационный потенциал: *бажить* > *бажиться* > *прибажиться*; *бажать* > **бажаться* или **забажать* > *забажаться* и др. Производные глаголы этого гнезда имеют в своем составе префиксы со значениями начинательности (*за-*), неполноты (*при-*) и интенсивности (*у-*) действия [24. С. 200], а также постфикс *-ся*, маркирующий возвратность глагола. Именная лексика этого гнезда репрезентирует семантику объекта желания, любви и заботы: это ласкательные обращения к человеку, преимущественно к ребёнку (*дитятко бажёное*) или возлюбленному (*мой бажёный*), названия любимых (*убажёнка*) и избалованных излишним вниманием детей (*убажник*).

Б) Статья словообразовательного словаря, который может быть создан по материалам электронной мультимедийной системы «Говор северной деревни», дает возможность наглядно представить деривационные связи однокоренных слов в исследуемых нами говорах:

	<i>баж/ён/ый</i> ‘любимый, желанный’ →	<i>баж/ён/ый</i> (сущ.) ‘любимый’
	<i>баж/утк/а</i> ‘изнеженный, избалованный человек’	
<i>бажить</i> → ‘хотеть, желать’	<i>бажить/ся</i> ‘хотеться’	<i>при/бажиться</i> ¹ ‘очень сильно захотеться’
	→	<i>за/бажиться</i> ‘очень сильно захотеться’
	<i>при-бажить</i> → ‘захотеться’ (1-е и 2-е л. не употр.)	<i>прибажить-ся</i> ² ‘очень сильно захотеться’
	<i>*у-бажить</i> →	<i>убаж-ник</i> → ‘балованный ребенок’
		<i>убажниц-а</i> ‘младшая дочь или сестра’

Данное словообразовательное гнездо характеризуется не только семантической, но и структурной однородностью (вариантность морфемного состава вершины гнезда отсутствует), реализует типовые словообразовательные возможности отглагольного словообразовательного гнезда в русском языке: на первой ступени производности образуются признаковые слова, семантика которых характеризуется отношением к действию (*бажёный*), отглагольные существительные общего рода субъектной семантики (*бажутка*) и префиксальные глаголы совершенного вида (*прибажить*); на второй ступени производности реализуется семантика результативности и/или возвратности глаголов (*забажиться, прибажиться*), а также образуются существительные субъектной семантики – суффиксальные дериваты префиксальных глаголов (*убажник*) и неморфемные образования, являющие собой результат субстантивации отглагольных прилагательных или причастий (*бажёный*); третья ступень производности представлена существительным со значением существа женского пола (*убажница*). Типичным для отглагольного словообразовательного гнезда можно считать факт множественности словообразовательной структуры глагола *прибажиться* ‘очень сильно захотеться’, семантика и контекстуальное употребление которого (*Прибажилось мне к ночи поисте, дак топерь не сосну*) не препятствуют его интерпретации и как префиксального производного от *бажиться* (*Вот не знать как бажилось в девках-то одеться побаче, а сейчас дак даром*), и как возвратного к *прибажить* (*Ой, прибажило киселя-то овсяного, дак не могу!*). На фоне типовых структурно-семантических связей диалектных слов в данном словообразовательном гнезде отчетливо обнаруживаются как весьма ощутимая общность организации словообразовательной системы русского языка в его литературной и диалектных составляющих, так и специфика инвентаря морфем и их структурных связей в различных русских говорах [25].

Создание в 2019–2021 гг. электронной мультимедийной системы «Говор северной деревни» (<https://borbushino.vogu35.ru/>) и введение её в практику научно-исследовательской, учебно-методической и культурно-просветительской работы составили основу трех коллективных монографий, более тридцати научных статей, двух кандидатских [26, 27] и одной докторской диссертаций [28]. Достойным продолжением исследования, на наш взгляд, может стать углубление и совершенствование лексикографического описания говора, которое позволит в

полной мере отразить как его лингвистические особенности, так и специфику бытовой и духовной культуры региона.

Список источников

1. Герасимов М.К. Словарь уездного череповецкого говора. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1910. 111 с.
2. Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1988. 269 с.
3. Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии : словарь. Вологда : ВГПИ, Русь, 1995. 122 с.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. М. ; СПб. : Наука, 1965–2018.
5. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994–2005.
6. Словарь западных говоров Вологодской области / Н.А. Волкова, Т.А. Воробьева, М.Н. Герасимова, Е.В. Грудева, Н.Г. Мельникова, Д.В. Минец, Ю.М. Романова, Н.П. Тихомирова, М.А. Яценко ; отв. ред. Н.П. Тихомирова. Вып. 1: А–Б. Череповец, 2016. 102 с.
7. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / науч. ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т ; Вологод. гос. пед. ун-т, 1983–2007.
8. Говор северной деревни. URL: <https://borbushino.vogu35.ru/>
9. Борбушино. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B1%D1%83%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%BE>
10. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров : в 2 ч. / под ред. И.А. Попова. СПб. : ИЛИ РАН, 1994. Ч. 1, 2.
11. Шаброва Е.Н. Производные глаголы в русских говорах : учеб.-метод. пособие. Вологда : ВоГУ, 1998. 40 с.
12. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета / Н.А. Волкова, С.А. Ганичева, А.В. Загуменнов, Е.Н. Ильина, Н.Г. Мельникова ; отв. ред. Е.Н. Ильина. Вологда : ВоГУ; Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2017. 232 с.
13. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области / С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина, Н.Г. Мельникова. Вологда : ВоГУ, 2014. 159 с.
14. Ганичева С.А. Воспоминания брата и сестры о деревенском детстве: лингвогендерологический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5 (92). С. 67–78.
15. Ганичева С.А., Ильина Е.Н., Никифоров О.Ю. Электронная мультимедийная система «Говор северной деревни»: свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020666787. 2020.
16. Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни / Е.Н. Ильина, С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчева, Е.А. Кирилова. И.Е. Колесова, Н.Г. Мельникова; науч. ред. Е.Н. Ильина. Вологда : Изд-во ВоГУ, 2021. 684 с.
17. Ганичева С.А. Материалы к словарю уроженца Кирилловского района Вологодской области. 2015. URL: http://pi.vogu35.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm

18. Ильина Е.Н., Сабурова Л.В., Ганичева С.А. Языковая картина мира вологодского крестьянина. Ч. I: Домашние и дикие животные. Вологда : ВоГУ, 2019. 178 с.
19. Ильина Е.Н., Комиссарова Т.Г. Языковая картина мира вологодского крестьянина. Ч. II: Детство. Вологда : ВоГУ, 2019. 176 с.
20. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М. : Междунар. отношения, 1995. 584 с.
21. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. : Наука (Ленинградское отделение), 1983. 188 с.
22. Ильина Е.Н., Крылова А.Б., Никифоров О.Ю. Диалектный словарь строения слов: свидетельство государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013611057. 2013.
23. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение. М. : Русский язык, 1980. 880 с.
24. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М. : Наука, 1976. 328 с.
25. Шаброва Е.Н. Морфемный и словообразовательный анализ слова в русских народных говорах. Вологда : ВГПУ, 2004. 98 с.
26. Комиссарова Т.Г. Детство в языковой картине мира вологодского крестьянина : дис. ... канд. филол. наук. Вологда : ВоГУ, 2019. 211 с.
27. Сабурова Л.В. Домашние и дикие животные в языковой картине мира вологодского крестьянина : дис. ... канд. филол. наук. Вологда : ВоГУ, 2018. 195 с.
28. Драчева Ю.Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы : дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск : САФУ, 2019. 575 с.

References

1. Gerasimov, M.K. (1910) *Slovar' uездного cherepovetskogo govora* [Dictionary of the county Cherepovets dialect]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Chaykina, Yu.I. (1988) *Geograficheskie nazvaniya Vologodskoy oblasti: toponimicheskii slovar'* [Geographical names of Vologda Oblast: toponymic dictionary]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo.
3. Chaykina, Yu.I. (1995) *Vologodskie familii: slovar'* [Vologda surnames: a dictionary]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Rus'.
4. Institute of the Russian Language of Academy of Sciences of the USSR. (1965–2018) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–50. Moscow; Saint Petersburg: Nauka.
5. Gerd, A.S. (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. Vols 1–6. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
6. Volkova, N.A., Vor'b'eva, T.A., Gerasimova, M.N., Grudeva, E.V., Mel'nikova, N.G., Minets, D.V., Romanova, Yu.M., Tikhomirova, N.P. & Yashchenko, M.A. (2016) *Slovar' zapadnykh govorov Vologodskoy oblasti* [Dictionary of Western dialects of the Vologda region]. Vol. 1: A–B. Cherepovets: Cherepovets State University.
7. Panikarovskaya, T.G. & Zorina, L.Yu. (eds) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University.

8. Borbushino (n.d.) *Govor severnoy derevni* [The Dialect of the Northern Village]. [Online] Available from: <https://borbushino.vogu35.ru/>
9. Wikipedia (n.d.) *Borbushino*. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B1%D1%83%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%BE> (In Russian),
10. Popov, I.A. (1994) *Programma sobiraniya svedeniy dlya Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov: v 2 ch* [The program for collecting information for the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: in 2 parts]. Parts 1, 2. Saint Petersburg: ILS RAS.
11. Shabrova, E.N. (1998) *Proizvodnye glagoly v russkikh govorakh: uchebno-metodicheskoe posobie* [Derivative verbs in Russian dialects: a textbook]. Vologda: Vologda State University.
12. Volkova, N.A., Ganicheva, S.A., Zagumennov, A.V., Il'ina, E.N. & Mel'nikova, N.G. (2017) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [Folk speech of the Vologda region: the experience of a male speech portrait]. Vologda: Vologda State University; Cherepovets: Cherepovets State University.
13. Ganicheva, S.A., Dracheva, Yu.N., Il'ina, E.N. & Mel'nikova, N.G. (2014) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: govory Kirillovskogo rayona Vologodskoy oblasti* [Folk speech of the Vologda region: dialects of the Kirillovsky district of the Vologda region]. Vologda: Vologda State University.
14. Ganicheva, S.A. (2019) Brother and sister's memories about village childhood: the linguogenderological aspect. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 5 (92). pp. 67–78. (In Russian).
15. Ganicheva, S.A., Il'ina, E.N. & Nikiforov, O.Yu. (2020) *Elektronnaya mul'timedynaya sistema "Govor severnoy derevni"* [The Dialect of the Northern Village electronic multimedia system]. Certificate of state registration of the computer program No. 2020666787.
16. Il'ina, E.N. Ganicheva, S.A. Dracheva, Yu.N. Kirilova, E.A. Kolesova, I.E. & Mel'nikova, N.G. (2021) *Rechevaya kul'tura Beloz'er'ya v fokuse govora odnoy derevni* [Speech culture of Belozerye in the focus of the dialect of one village]. Vologda: Vologda State University.
17. Ganicheva, S.A. (2015) *Materialy k slovaryu urozhentsa Kirillovskogo rayona Vologodskoy oblasti* [Materials for the dictionary of a native of the Kirillovsky district of the Vologda region]. [Online] Available from: http://pi.vogu35.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm
18. Il'ina, E.N., Saburova, L.V. & Ganicheva, S.A. (2019) *Yazykovaya kartina mira vologodskogo krest'yanina* [Linguistic picture of the world of the Vologda peasant]. Part 1. Vologda: Vologda State University.
19. Il'ina, E.N. & Komissarova, T.G. (2019) *Yazykovaya kartina mira vologodskogo krest'yanina* [Linguistic picture of the world of the Vologda peasant]. Part 2. Vologda: Vologda State University.
20. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
21. Bayburin, A.K. (1983) *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rituals and ideas of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka (Leningrad branch).

22. Il'ina, E.N., Krylova, A.B. & Nikiforov, O.Yu. (2013) *Dialektnyy slovar' stroeniya slov* [Dialect dictionary of word structure]. Certificate of state registration of the computer program No. 2013611057.

23. Zaliznyak, A.A. (1980) *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka: slovoizmenenie* [Grammar Dictionary of the Russian Language: Inflection]. Moscow: Russkiy yazyk.

24. Avilova, N.S. (1976) *Vid glagola i semantika glagol'nogo slova* [The aspect of the verb and the semantics of the verb word]. Moscow: Nauka.

25. Shabrova, E.N. (2004) *Morfemnyy i slovoobrazovatel'nyy analiz slova v russkikh narodnykh govorakh* [Morphemic and word-formation analysis of the word in Russian folk dialects]. Vologda: Vologda State University.

26. Komissarova, T.G. (2019) *Detstvo v yazykovoy kartine mira vologodskogo krest'yanina* [Childhood in the language picture of the world of the Vologda peasant]. Philology Cand. Diss. Vologda: Vologda State University.

27. Saburova, L.V. (2018) *Domashnie i dikiye zhivotnye v yazykovoy kartine mira vologodskogo krest'yanina* [Domestic and wild animals in the language picture of the world of the Vologda peasant]. Philology Cand. Diss. Vologda: Vologda State University.

28. Dracheva, Yu.N. (2019) *Mediaobraz lokal'noy ustnoy rechevoy kul'tury: kognitivno-yazykovye mekhanizmy* [Media image of local oral speech culture: cognitive-linguistic mechanisms] Philology Dr. Diss. Arkhangelsk: NArFU.

Сведения об авторах:

Ильина Елена Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: filfak@list.ru

Ганичева Светлана Алексеевна – канд. филол. наук, преподаватель Вологодского многопрофильного лицея (Вологда, Россия). E-mail: sganicheva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Elena N. Ilyina, Dr. Sci. (Philology), professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: filfak@list.ru

Svetlana A. Ganicheva, Cand. Sci. (Philology), Vologda Multidisciplinary Lyceum (Vologda, Russian Federation). E-mail: sganicheva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2022;
одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.*

*The article was submitted 11.01.2022;
approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/22274200/24/4

Русские пословицы в лингвоаксиологической и лексикографической интерпретации: традиции и инновации

Татьяна Геннадьевна Никитина¹, Елена Ивановна Роголёва²

^{1, 2} Псковский государственный университет, Псков, Россия

¹ cambala2007@yandex.ru

² cambala2010@list.ru

Аннотация. Обобщается отечественный опыт лингвоаксиологического исследования русских пословиц и словарной репрезентации их оценочного содержания. Обосновывается необходимость учета динамических процессов в паремиологической сфере при описании современного пословичного фонда. На материале паремий, репрезентирующих концепт «Дом», представлена концепция их лексикографической репрезентации в лингвоаксиологически ориентированных словарях с алфавитно-стержневым и тематическим расположением материала.

Ключевые слова: паремиология, пословица, пословичный концепт, пословичный трансформ, лингвоаксиология, лексикография, паремиологический словарь

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00091, реализуемый в СПбГУ).

Для цитирования: Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Русские пословицы в лингвоаксиологической и лексикографической интерпретации: традиции и инновации // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 70–92. doi: 10.17223/22274200/24/4

Original article

doi: 10.17223/22274200/24/4

Russian proverbs in linguo-axiological and lexicographic interpretation: Traditions and innovations

Tatiana G. Nikitina¹, Elena I. Rogaleva²

^{1, 2} Pskov State University, Pskov, Russia

¹ cambala2007@yandex.ru

² cambala2010@list.ru

Abstract. The aim of the research presented in this article is to develop the concept of a linguo-axiological dictionary representation of proverbs and proverbial concepts in their current state, taking into account various structural and semantic transformations and new axiological components of their meaning. The sources of the material of the study were the paroemiological collections of I. M. Snegirev, I. I. Illustrov, V. I. Dahl, and modern authors; Internet sites; and recordings of live speech of modern native speakers of the Russian language. The development of the lexicographic aspect of the topic was preceded by a comprehensive linguistic analysis of paroemias. The methods of historical-etymological, component, contextual, linguo-axiological analysis reveal their modern semantics and cultural-historical background. The mechanisms of transformations are studied by the method of structural and semantic modeling. The authors' method of axiologically oriented lexicographic parameterization of the material, developed to solve the research problems, is based on the domestic experience of the dictionary description of paroemias and the authors' developments in this field. The developed model of the linguo-axiological dictionary representation of paroemias is presented on the material of the proverbial concept "House", one of the basic concepts of Russian linguaculture. The representation of the paroemiological material in the alphabetical headword dictionary implies the explication of the evaluativeness not only of the original paroemia, but also of its transformations through emotive-evaluative labels, axiologically oriented definitions, and functional-pragmatic commentaries. The transformations of the original proverb are grouped according to structural and semantic models of transformation, which allows us to systematically reflect the transformational potential of the paroemia, to show the dynamics of its formal and conceptual sides, the displacement of its axiological vector. In the thematic dictionary of a new type, the evaluative component of the proverbial concept is reflected by the headings of dictionary macro-entries that convey the general axiological meaning of the group of paroemias. The dictionary macro-entries with such axiological headings are grouped within thematic sections in the order from traditional value orientations of linguaculture to new evaluative

attitudes represented by new paroemias and proverbial transformations. The emotive and evaluative characteristics of the proverbial material reflecting the new axiologemes allow us to conclude that the neo-paroemias and transformations of traditional proverbs convey the jokingly ironic attitude of nominators to the denial of traditional values rather than their real denial and ridicule. The proposed concept makes a theoretical contribution to the development of problems of linguo-axiological interpretation of paroemias and will find practical implementation in the creating of modern dictionaries of proverbs.

Keywords: paroemiology, proverb, proverbial concept, proverbial transform, linguoaxiology, lexicography, paroemiological dictionary

Acknowledgments: The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00091: The world of the Eastern Slavs in a paremiological interpretation: axiological dominants and their linguistic and cultural representation, implemented at St. Petersburg State University.

For citation: Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2022) Russian proverbs in linguo-axiological and lexicographic interpretation: Traditions and innovations. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 24. pp. 70–92. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/24/4

Введение

Аксиологическая паремиология сравнительно недавно оформилась в самостоятельное языковедческое направление, как и сама лингвоаксиология. За последние два десятилетия паремиологи прошли путь от аксиологического анализа отдельных компонентов пословиц [1] до обоснования концепции когнитивно-дискурсивного моделирования оценочной семантики паремий в проекции на ценности культуры с учетом их фреймовой природы [2]. В лингвоконцептологии и концептографии паремии как оценочно ориентированные языковые единицы используются для выявления и верификации признаков, формирующих аксиологический слой концепта, реконструируемого на широком общезыковом и диалектном материале (работы Т.Б. Радбиля, В.В. Сайгина, Т.А. Демешкиной, И.Е. Охолиной, А.В. Курьянович, С.В. Волошиной, М.А. Толстой) [3–6].

Объектом лингвоаксиологического анализа в последние годы становятся и собственно пословичные концепты русской лингвокультуры [7, 8], рассматриваемые в том числе в сопоставительном аспекте, когда на фоне германских, романских, славянских языков раскрывается специфика системы ценностей и особенности образной паремио-

логической репрезентации аксиологических установок русской культуры [9–12].

Что касается словарей и паремиологических сборников, то здесь оценочное содержание русских паремий, и прежде всего пословиц, стало объектом комментирования в авторских примечаниях В.И. Даля и И.И. Иллустрова [13–15] задолго до появления лингвоаксиологического направления в отечественном языкознании. В современных паремиографических источниках аксиологический вектор паремий отражает детализированная система эмотивно-оценочных помет и функционально-прагматических комментариев [16, 17].

Тематическая классификация материала в известных сборниках пословиц В.И. Даля [13], И.И. Иллустрова [15] эксплицирует аксиосферу русской лингвокультуры в рубриках, объединяющих паремии о доме, семье, урожае, бедности и богатстве и прочем и отражающих таким образом соответствующие пословичные концепты и их оценочное содержание. Признавая лингвокультурологическую и лингвоаксиологическую ценность такой группировки материала, ее используют и паремиографы XXI в. [18, 19]. Концепция собственно аксиологического словаря паремий, построенного по тематическому принципу, реализована Л.К. Байрамовой [20]. Однако практически все современные аксиологически ориентированные паремиографические издания включают лишь традиционные пословицы и не отражают современного состояния паремиологического фонда, охваченного в последние десятилетия социокультурно обусловленными динамическими процессами. Трансформации традиционных паремий, ставшие отличительной чертой медиадискурса и живой разговорной речи, исследуются лингвокультурологами и паремиологами, в том числе с позиций лингвоаксиологии, что открывает широкое поле для дискуссий «о вечном и бренном» в аксиосфере русской культуры и аксиологическом содержании паремий [21, 22]. Лексикографы же пока лишь фиксируют паремиологические трансформации без какой-либо их параметризации (исключение составляют лишь указания источника в специальных словарях, например у Х. Вальтера и В.М. Мокиенко [23]).

Наша задача, которая определяет новизну представляемой в данной статье концепции, – обосновать и наполнить конкретным содержанием модель лингвоаксиологической репрезентации пословиц и пословичных концептов в словарях – тематическом и алфавитно-стержневом, которые отразят русский паремиологический состав в

его динамике с учетом трансформационных процессов, выявленных в ходе анализа материала XIX–XXI вв. Предлагаемая концепция будет представлять теоретический вклад в разработку проблем лингвоаксиологической интерпретации паремий, найдет практическое воплощение в проекте по созданию Паремиологического словаря восточных славян, над которым работает фразеологический семинар профессора В.М. Мокиенко (СПбГУ), может быть предложена для реализации на материале других языков.

Материалы и методы исследования

Для репрезентации разработанной модели лингвоаксиологической интерпретации паремий избрана тематическая группа «Дом», материал которой представляет дом как одну из базовых утилитарных ценностей и в то же время константу национальной ментальности, модель мироустройства, хранилище родовой мудрости [24. С. 66].

Паремии, которые будут исследованы методами историко-этимологического, компонентного, контекстуального, лингвоаксиологического анализа, отобраны из упоминавшихся выше словарей и паремиологических сборников. По данным интернет-коммуникации, опросам информантов и записям живой речи современных носителей русского языка, уточняется статус актуальности паремий, фиксируются их трансформации. Механизмы трансформаций выявляются методом структурно-семантического моделирования. Методика аксиологически ориентированной лексикографической параметризации материала, разработанная для решения задач исследования, опирается на отечественный опыт словарного описания паремий и наши разработки в данной сфере [16, 18, 25].

Аксиологическое содержание пословицы: константы и динамика

В пословицах о доме, отнесенных В.И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа» [13] к разделу «Двор – дом – хозяйство» и описанных в «Толковом словаре живого великорусского языка» [14], компонент *дом* в большинстве случаев реализует значение ‘семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством’ [26. С. 272].

Оценочные коннотации таких пословиц, определяющих социальные роли и хозяйственные функции членов семьи, морально-

этические основы функционирования дома как малого социума, более глубоко осознаются нашими современниками благодаря авторским примечаниям, проясняющим значение, в том числе переносное, отдельных компонентов или общий назидательный смысл паремий:

Всякий страх в дому хорош (страх в знач. любви, уважения, послушания) [13. Т. 2. С. 96].

Всяк дом по свою кровлю стоит, стоит главой, хозяином [14. Т. 2. С. 199].

Дом вести не возжей трясти, не погонять только, а толком распоряжаться [14. Т. 1. С. 228].

В «Большом словаре русских пословиц» [16], объединившем материалы В.И. Даля и более 300 других паремиографических источников, такие примечания сопровождаются указанием автора. При необходимости паремия или ее компоненты получает и другие семантизирующие комментарии: **Дом дело оглядное**. Д 2, 579. < Оно требует призору. Прим. В.И. Даля. **Оглядной** – требующий постоянного призора, надзора [16. С. 290].

Что касается динамики на уровне паремиологического состава языка, зафиксированной словарями, то отметим, что из 350 паремий, отражающих различные аспекты лингвокультурного феномена «дом», отобранных для Большого словаря русских пословиц [16] в источниках XVIII–XX вв., лишь 3 пословицы оказались соответствующими критерию актуальности в начале XXI в. и были описаны в современном словаре «живых» русских пословиц [17]: *Дома и стены помогают; В гостях хорошо, а дома лучше; Мой дом – моя крепость*. Авторы-составители не ставят конкретной задачи – эксплицировать аксиологический вектор паремий, но эмотивно-оценочная сторона их содержания отражается в дефинициях и следующих за ними функционально-прагматических комментариях за счет использования оценочной лексики, одобрительных и запретительных формулировок-рекомендаций, отсылок к базовым ценностям и нормативным установкам лингвокультуры (например, *свое и чужое, неприкосновенность частной жизни* и т.п.): «мой дом – моя крепость». *Каждый – хозяин в своем доме и волен устанавливать свои порядки. Говорится для того, чтобы подчеркнуть неприкосновенность частной жизни и пресечь любое вмешательство во внутренний уклад дома* [17. С. 88].

Иллюстративная зона статьи в словарях, где она предусмотрена, завершает репрезентацию аксиологического содержания паремии в ее

ситуативно-речевой реализации. Требование к контексту – его доступность для соответствующей категории адресата, отсутствие языковых и социокультурных барьеров. Человеку, хорошо знакомому с бытовыми и социально-политическими реалиями советского периода, будут понятны иронические коннотации, сопровождающие пословицу *Мой дом – моя крепость* в буквализирующих контекстах того времени: *Мой дом – моя крепость! <...> Четыре стены и крыша плотно отделяют тебя от любимой отчизны* (А. Солженицын. В круге первом). *Я узнал, что такое коммунальная квартира, я отлично знаю теперь, что значит, в понимании моих соседей, «мой дом – моя крепость»*. *Стоит только посмотреть на запоры этой крепости, ее крючки, крюки, замки* (Ю. Домбровский. Записки мелкого хулигана) [17. С. 88]. Современному школьнику, которому адресован словарь, или же иностранцу, изучающему русский язык, для адекватного восприятия смысловых нюансов и оценочности паремии в подобных цитатах необходим дополнительный культурно-исторический комментарий.

Еще одно важное требование к контекстуальной иллюстрации, ориентированной на данную категорию читателей, – «сильная позиция» паремии, т.е. такое ее взаимодействие с текстовым окружением, при котором становится очевидной логика использования народного изречения в определенной ситуации, легко выводится конкретный речевой смысл пословицы. К сожалению, ограниченный объем контекста в академическом словаре не всегда дает возможность исчерпывающе представить ситуацию употребления паремии.

Реализуемый в Экспериментальной лексикографической лаборатории ПсковГУ формат учебных паремиологических словарей в рассказах [27, 28] позволяет показать реализацию пословицы в современных ситуациях коммуникативных сфер, ценностно-значимых для школьников и студентов, – учеба, развлечения, спорт, общение с друзьями, взаимоотношения с родителями и т.п. Функционирование пословиц иллюстрируют здесь тексты объемом до 300 слов, написанные от лица сверстников читателя, которые делятся своим паремиологическим опытом: интерпретируют содержание пословиц, соглашаются или спорят с ними, используют их в диалогах и монологической речи как оценочные языковые средства и т.п.:

Дома и стены помогают – эту пословицу мы с друзьями употребляем часто. Вот недавно писали контрольную работу по истории, но

не в школе, а в дистанционном режиме – каждый у своего домашнего компьютера. Почти все написали на «отлично» – дома и стены помогают, ну и Интернет, конечно. А когда в России был чемпионат мира по футболу, у нас даже такая «кричалка» была (так футбольные болельщики называют свои речёвки): *Дома стены помогают – Дома наши забивают! Оле-оле-оле-оле! Россия – чемпион!* (Ира М., Великий Новгород) [28. С. 52–53].

Проследить динамику аксиологического содержания каждой активной («живой») паремии позволит анализ ее семантических и структурно-семантических преобразований в широком диапазоне современных употреблений. Так, например, об огромном трансформационном потенциале пословицы *В гостях хорошо, а дома лучше*, в том числе с ситуативной сменой аксиологического вектора на прямо противоположный, свидетельствуют преобразования пословицы, зафиксированные нами в 2019–2021 гг. в речи футбольных фанатов и базирующиеся на переосмыслении компонентов *дома* и *в гостях* в соответствии с их сленговыми значениями, когда речь идет о «домашних» матчах на клубном стадионе и о выездных, «гостевых» играх: *В гостях хорошо, а дома хуже (плохо); В гостях нехорошо (плохо), а дома еще хуже; И в гостях не хорошо, и дома не лучше* (об отрицательно оцениваемых результатах команды). Таким образом, языковая игра, основанная на многозначности компонентов пословичного бинама *дома* – *в гостях*, обеспечивает паремиологическую реализацию оценочного замысла говорящего в новой коммуникативной сфере с трансформацией аксиологического бинама: *хорошо* – *лучше* → *хорошо* – *плохо (хуже); нехорошо (плохо)* – *хуже; не хорошо* – *не лучше*.

Анализ всего массива трансформов данной паремии, зафиксированных в открытых интернет-источниках, позволил выделить три основные структурно-семантические модели трансформации. Наибольшей продуктивностью обладает модель с варьирующимся первым номинативным блоком пространственной семантики: *(ГДЕ) хорошо, а дома лучше*.

Ассоциативно-тематическая связь компонента, заменяющего каноническое «в гостях», прослеживается в трансформах, отражающих оценочные впечатления, связанные со сферой гостиничного бизнеса, туризма, отдыха: *В гостевом доме хорошо, а дома лучше; За границей хорошо, а дома лучше; На море хорошо, а дома лучше; На отдыхе*

хорошо, а дома лучше (как правило, это заголовки или резюмирующие фразы интернет-публикаций отдыхающих, путешественников).

Пандемия COVID-19, режим самоизоляции, работы и учебы дистанционном режиме определили еще один аспект сравнительной оценочной репрезентации дома в пословичных трансформах данной модели: *В офисе хорошо, а дома лучше; В универе / сленг. 'университет' / хорошо, а дома лучше; В школе хорошо, а дома лучше*. При современном уровне развития видеотехнологий дома оказалось комфортнее слушать музыку, просматривать кинофильмы: *В зале хорошо, а дома лучше; В кино хорошо, а дома лучше*.

Согласно трансформам второй, инверсивной модели *Дома хорошо, а (ГДЕ) лучше*, при общей положительной оценке домашнего комфорта выше оценивается отдых на природе, прогулки и общение с друзьями: *Дома хорошо, а на природе лучше; Дома хорошо, а на улице лучше; Дома хорошо, а с друзьями лучше*. Первым на эту трансформационную модель обратил внимание В.И. Даль, снабдивший полную инверсию пословицы точным эмотивно-оценочным комментарием: *Дома хорошо, а в гостях лучше* (выворочена в шутку) [13. Т. 2. С. 371].

И лишь в немногочисленных трансформах третьей модели, где градуальный аксиологический бином *хорошо – лучше* преобразуется в контрастивный (*хорошо – плохо*), компонент *дома* оказывается в зоне негативной оценки: *В гостях хорошо, а дома плохо*. По замыслу креативных номинаторов, пословица здесь также «выворачивается» ради создания комического эффекта, например, при ситуативном употреблении в названии картины, на которой изображен человек, лежащий дома на диване с больной головой (вероятно, испытывающий похмельный синдром после приема алкогольных напитков в гостях) [29], или в названии одного из эпизодов мультипликационного сериала «Симпсоны», где домашние проблемы этой семьи показаны на фоне спокойствия и мира в других семьях.

В проектируемом нами алфавитно-стержневом словаре¹, представляющем современное состояние пословичного фонда, должны найти отражение как традиционные формы паремий с экспликацией их оценочности в соответствующих лексикографических параметрах, так и

¹ Паремии группируются здесь в алфавитном порядке под стержневыми компонентами, которыми, как и в других наших совместных с В.М. Мокиенко лексикографических проектах [16, 25], считаются: первое имя существительное, при его отсутствии – прилагательное, числительное, глагол.

основные сдвиги аксиологической направленности в наиболее характерных структурно-семантических трансформациях, что достигается посредством эмотивно-оценочных помет и функционально-семантических комментариев. Представим эту параметрическую модель словарной статьи на материале поговорки *Мой дом – моя крепость*, которая, будучи интернациональным крылатым выражением, реализует в современном русскоязычном социуме новые оценочные смыслы за счет структурно-семантических трансформаций:

Дом

<...>

Мой дом – моя крепость. *Одобр.* В своем доме человек чувствует себя в полной безопасности и живет по своим законам. *Высокая оценка хозяином дома надежности и неприкосновенности своего жилища.* < Англ. *My house is my castle* – из комментариев Эдварда Кока к британскому законодательству (1552–1634). ** **Мой дом – твоя крепость.** *Трансф.* Название стихотворения Л. Достовой, обращенного к другу, любимому (stihi.ru). ** **Твой дом – моя крепость.** *Трансф.* 1. О предоставлении убежища беженцам. *В названии конкурса видеороликов "Беженцы: твой дом – моя крепость"* (yandex.ru/video)¹. 2. Об Институте пограничной службы Республики Беларусь. *Название видеоматериала* (vk.com»video). 3. *Ирон.* О злоупотреблении квартирантов доверием хозяйки-пенсионерки. *Название видеорепортажа* (1tv.ru). ** **Мой дом – моя слабость.** 1. *Шутл.-ирон.* Недвижимость часто становится объектом имущественных споров, в том числе решаемых не в пользу владельца. *Название публикаций в электронных СМИ* (kommersant.ru; dailystorm.ru). 2. *Шутл.* О благоустройстве дома и дизайне жилища как хобби. *Название публикации на городском интернет-портале* (millerovo.net). ** **Мой двор – моя крепость.** 1. *Неодобр.* О незаконной установке ограждений, барьеров и шлагбаумов во дворах. *Название публикаций в электронных СМИ* (api-пресс.рф; s-vesti.ru). 2. О проблемах благоустройства дворов. *Название публикаций в электронных СМИ и телесюжетов* (vologda-portal.ru; 6tv.ru); *название семейно-экологического проекта данной направленности* (nsportal.ru). ** **Мой стол – моя крепость.** *Шутл.* Об обустройстве

¹ В подготовленном к изданию словаре список использованных интернет-источников будет представлен с полными адресами сайтов, по которым в электронном варианте словаря можно будет попасть на соответствующую страницу и ознакомиться с полным текстом публикации, упоминаемой в словарной статье.

рабочего места в кабинете, офисе, дома. *Название публикаций на интернет-порталах* (liveinternet.ru; solidarnost.org). ** **Моя кухня – моя крепость.** *Шутл.-одобр.* О современном оборудовании кухни. В названии рекламной публикации (womanhit.ru).

Паремиологический концепт: традиционные оценочные доминанты и новые аксиологемы

Как уже отмечалось, тематическая классификация пословиц и реализация тематического принципа при структурировании словаря позволяет отразить аксиологическое содержание паремиологической картины мира и отдельных пословичных концептов, под которыми понимается «совокупность семантических ролей, выполняемых именем концепта в пословичных предложениях-высказываниях» [8. С. 130].

Исследователи одного из базовых для русской лингвокультуры пословичного концепта «Дом» рассматривают репрезентирующие его паремии как элементы системы кодирования культурно-символических положительно коннотированных смыслов: дом – убежище и пристанище для человека, место объединения семьи, достатка и благополучия [30. С. 295–296], сгусток «своего» и неприкосновенного в сознании человека [9. С. 200], очаг бытия, жизни, благополучия [31. С. 45].

Уже в середине XIX в. И.М. Снегирев предпринимает попытку эксплицировать эти культурные смыслы и аксиологический вектор паремий в тематически организованном сборнике «Русские в своих пословицах», который можно назвать первым лингвоаксиологическим описанием русских пословиц. Собранные в единый научно-популярный текст, очерки-комментарии помогают читателю осмыслить ценностные приоритеты русского народа. Тема дома представлена в разделе «Обычай и нравы в пословицах» народными изречениями, которые, как отмечает автор, утверждают *власть домовладыки, попечительность и наслаждение его, но и трудности вести порядок и водворить благоденствие въ домъ*. И.М. Снегирев подчеркивает, что хозяину, по старой пословице, *и стъны въ домъ помогаютъ*. В комментариях включаются фрагменты «Поучения детям» Владимира Мономаха, касающиеся домоустройства и ведения хозяйства. Пословицами иллюстрируется и роль хозяйки дома, которая разделяет труды хозяина: онъ домовникъ, она домовница, отъ него должно пах-

нужь вътромъ, отъ нее дымкомъ [32. С. 58–60], т.е. все, что хозяин приносит в дом, жена использует в хозяйстве на благо семьи, дома.

Это же распределение семейных ролей мужа и жены, фиксируемое пословицами, отмечает и И.И. Иллостров, сопровождая комментариями тематические группы паремий, собранных в главе IV «О браке, семье и родне» «Сборника российских пословиц и поговорок» [15. С. 153]. Особо подчеркивается не одобряемое пословицами «озорничание зятя, принятого во двор»: *Зять в дом – и иконы вон; Если нет чёрта в доме, так зятя прими* [15. С. 197]. В главе V «О праве собственности», которое определяется автором как право владения, пользования и распоряжения принадлежащим владельцу имуществом, представлены и пословицы, закрепляющие это право относительно жилища: *Твой дом, твоя и воля; В своем доме как хочу, так и ворочу* и др. [15. С. 205]. Непорядок в доме рассматривается как причина бедности, что подтверждают пословицы, собранные в главе VII «О благосостоянии и бедности»: *Без хозяина дом плачет; Без хозяина дом – сирота; Порядком стоит дом, непорядком содом* [15. С. 279].

В.И. Зимин и А.С. Спирин, развивающие традиции лингвокультурологического и лингвоаксиологического комментирования тематически систематизированных пословиц и поговорок, также видят отражаемую паремиями связь понятий дома и благосостояния в народном сознании: в главу «Достаток» своего объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» [33] наряду с такими разделами, как «Бедный и богатый», «Деньги и заботы», «Доход – расход» и т.п., они включают и разделы «Свой дом родной», «Горе без дома», «Дом без хозяина», «Хозяйка дома». Комментарии в рамках раздела предваряют группу пословиц и фразеологизмов, сходных семантически и аксиологически, например: *Вообще человек смелей чувствует себя в своем доме. Это придает ему силы. Поэтому и говорят: Дома и помогают. В своем гнезде и ворона коршуну глаз выклюнет* [33. С. 134].

В полном объеме материала и совокупности всех передаваемых им оценочных установок народного сознания паремиологический концепт может быть представлен в аксиологическом словаре, концепция которого реализована Л.К. Байрамовой на материале пословиц, отражающих ценности/антиценности культуры: *Жизнь – смерть, Счастье – несчастье, Здоровье – болезнь, Родина – чужбина, Правда – ложь, Труд – отдых, Богатство – бедность, Ум – глупость, Смех –*

плач, Рай – ад. Внутри данных тематических разделов словаря аксиологические пословичные идеи (аксиологемы) вынесены в заголовки рубрик, объединяющих близкие по смыслу паремии, например: *Деньги всесильны и имеют власть; Богатство связано с грехом; Любовь ценнее денег и богатства* и т.п. [20. С. 11].

Наша модель словарной репрезентации пословичного концепта также базируется на тематико-аксиологической систематизации материала. В отличие от тематических классификаций, воплощенных в упоминавшихся выше словарях, мы увеличиваем глубину структурирования тематической группы паремий, выделяя тематические рубрики (например, для паремий, представляющих концепт «Дом»: «Дом – здание», «Дом – жилище», «Свой дом – чужой дом», «Дом – семья», «Дом – хозяйство»), а внутри рубрик озаглавленные аксиологемами макростатьи, что позволяет представить понятийное и аксиологическое содержание концепта «Дом» как гиперконцепта, каковым он является, по определению Е.А. Кострубиной и Л.А. Бобровник [9, 34]. Аксиологическая составляющая концепта также будет представлена инновационно – в ее динамике. С этой целью в систематизируемый с тематической и аксиологической точек зрения материал, а затем в словарные макростатьи под новыми заголовками-аксиологемами, отмеченными знаком (***), будут включены неопаремии (помета «Нов.») и пословичные трансформы (под знаком <) в том случае, когда удастся выявить их новый обобщающий оценочный смысл. Трансформированные пословицы, прямо противоположные по смыслу исходной паремии, располагаются при ней со своими аксиологемами и пометой, предлагающей сравнить оригинал и трансформ (ср. трансф.):

Дом

1. Дом – здание.

- При постройке дома нужно соблюдать определенные правила:

С сырого дерева дома не ставь, а поставил – дай выстояться. С.-рус. [16. С. 268].

- В доме должны присутствовать определенные конструктивные элементы, атрибуты:

Дом без крыльца – что голова (что нос) без лица [19. С. 599].

Дом без умывальника не живёт. Арх. [16. С. 290].

Дом для фасада строится [13. Т. 2. С. 166].

- Строительство дома требует больших материальных затрат:

Дом поставить – всё продать [16. С. 290].

- Строительство дома требует больших физических усилий, нервного напряжения:

Дом построить – не шапку на голову надеть. С.-рус. [16. С. 290].

И малый дом большим трудом ставится [19. С. 599].

Себя покоить – дом не строить [19. С. 564].

Себя покоить – дому не пристроить [14. Т. 3. С. 243].

- *** Строительство дома – легко осуществимая задача:

Что нам стоит дом построить[: нарисует – будем жить]. Нов. Шутл. [19. С. 595]. < Из песни С.Э. Томина на слова М. И. Танича (1973 г.).

- *** Возведенные застройщиком стены не гарантируют скорого завершения строительства:

Дому и стены не помогают. Шутл.-ирон. Трансф. < *Дома и стены помогают.* (kommersant.ru).

- *** Благоустройство дома часто превращается в хобби.

Мой дом – моя слабость. Шутл. Трансф. < *Мой дом – моя крепость* (millerovo.net).

2. Дом – жилище.

- Дом – постоянное место жительства:

Где воробью ни летать, а все дома ночевать [19. С. 485].

Дом не коза: в лес не убежит [19. С. 67].

Свой дом – не чужой: из него не уйдёшь [13. Т. 2. С. 83].

Худ дом, да быть в нём. [16. С. 291].

- Дома человеку комфортно, удобно:

За горами петь хорошо, а дома – жить хорошо [14. Т. 1. С. 376].

И тесен дом, да просторен он [13. Т. 2. С. 53].

Не гожусь, так дома належусь [14. Т. 1. С. 365].

По домам да к пирогам [14. Т. 3. С. 112].

Дом там, где ты без лифчика. Нов. Шутл. (krylfrazy.ru).

Дом – это то место, где можно не втягивать живот. Нов. Шутл. (krylfrazy.ru).

- Дом – надежное убежище:

Коли ветер в зубы, [так] сиди дома на печке. Арх. [16. С. 118].

Продал дом, купил ворота – можно затворяться. Урал. Шутл.-ирон. [16. С. 291].

Мой дом – моя крепость [19. С. 227]. **Ср. трансф.:** < *** Дом – ненадежное убежище, часто становится объектом имущественных

споров, в том числе решаемых не в пользу владельца: *Мой дом – моя слабость*. Шутл.-ирон. (kommersant.ru; dailystorm.ru).

- Дом – источник энергии, силы:

В своём доме и углы помогают [19. С. 485].

Дома и ветер помогает [19. С. 486].

Дома [и] стены помогают [13. Т. 2. С. 86]. **Ср. трансф.:** < ***
Дома плохо работается в условиях самоизоляции: *Дома и стены не помогают*. Шутл. (iz.ru) < *** Плохие спортсмены неудачно выступают даже на соревнованиях в родном городе: *Дома и стены не помогают*. Ирон. (championat.com).

3. Свой дом – чужой дом.

- Свой дом – лучший:

Лучшие своего дома ничего нет на свете [19. С. 487].

Свой дом – лучший дом [16. С. 291].

Хорошо тому, кто в своём доме [16. С. 292].

- Свой дом лучше чужого:

Всякому свой дом лучше чужого [16. С. 289].

Свой дом милее чужих хором [19. С. 489].

- В своём доме человек действует по своему усмотрению, устанавливает свои порядки:

В своём доме как хочу, так и ворочу [15. С. 223].

Всяк господин в своём доме [16. С. 210].

Всяк царствует в доме своём [15. С. 223].

Свой дом – своя и воля [15. С. 223].

- В чужом доме человеку некомфортно, тяжело:

Горько (худо) тому, кто [живёт] в чужом доме [16. С. 292].

Чужой дом хуже тёмной ночи. Ю.-рус. [16. С. 291].

- В чужом доме нужно соблюдать чужие правила:

В чужом доме не указывают [16. С. 291].

В чужом доме – не хозяин [16. С. 291].

Не свой дом – не своя и воля [16. С. 290].

- В гостях человек не чувствует себя свободно:

В гостях – что в неволе [13. Т. 2. С. 235].

Дома как хочешь, а в гостях – как велят [16. С. 218].

- В своём доме человеку лучше, чем в гостях:

В гостях хорошо, а дома и рука, и нога спят. Кубан. [16. С. 218].

В гостях хорошо, а на печке лучше. [16. С. 218].

В гостях хорошо, а дома лучше [того] [13. Т. 2. С. 82]. Ср. **трансф.:** < *** В гостях человеку лучше, чем дома: *Дома хорошо, а в гостях лучше*. Шутл. [13. Т. 2. С. 238].

● *** В своем доме лучше, чем в других местах и ситуациях (работать, учиться и т.п.):

В офисе (на работе) хорошо, а дома лучше. Шутл.-одобр. (о работе в удаленном режиме). Трансф. < *В гостях хорошо, а дома лучше* (MyBook.ru; gia.ru).

В зале хорошо, а дома лучше. Шутл.-одобр. (о прослушивании музыки). Трансф. < *В гостях хорошо, а дома лучше* (music.yandex.ru).

В школе хорошо, а дома лучше. Шутл.-одобр. (о домашнем обучении; обучении в онлайн-режиме). Трансф. < *В гостях хорошо, а дома лучше* (psychologies.ru).

● *** Вне дома человеку лучше, чем в доме:

Дома хорошо, а на природе лучше. Шутл. Трансф. < *В гостях хорошо, а дома лучше* (nicerice62.ru).

Дома хорошо, а на улице лучше. Шутл. Трансф. < *В гостях хорошо, а дома лучше* (pikabu.ru).

Особо отметим, что трансформированная поговорка, в результате преобразования меняющая свою тематическую принадлежность, размещается в новой тематической рубрике или даже в другом тематическом разделе словаря. Так, например, место расположения исходной поговорки *Дома и стены помогают* – рубрика «Дом – жилище» (аксиологема «Дом – надежное убежище»), а трансформ *Дому и стены не помогают*, отражающий ироническую реакцию дольщиков на ситуацию в строительстве, размещается в рубрике «Дом – здание», где большинство поговорок отражает процесс строительства дома. И еще более кардинальное тематическое перемещение проиллюстрируем трансформом поговорки *Мой дом – моя крепость*, который описан в тематическом разделе, представляющем поговорочный концепт «родина», и образует отдельную статью под аксиологемой:

● *** Тяжелые условия жизни заставляют покинуть родину: *Твой дом – моя крепость* (о беженцах, стремящихся получить убежище в благополучных странах). < Трансф. *Мой дом – моя крепость* (yandex.ru/video).

В представленном выше формате разрабатывается материал и оставшихся двух рубрик тематико-аксиологической репрезентации поговорочного концепта «Дом». В рубрике «Дом – семья» поговорки

объединяют аксиологемы: «В семье все должны трудиться», «В доме должны царить мир и согласие», «В семье должны соблюдаться определенные правила», «Семейные проблемы не нужно выносить за пределы дома», «Мужчина – глава семьи», «В доме должно быть много детей», «В доме всегда рады гостям». В рубрике «Дом – хозяйство» предполагается разместить макростатьи под заголовками-аксиологемами: «Вести совместное хозяйство большой семьей, домом – выгодно», «Вести хозяйство – непросто», «Хозяин дома должен умело руководить хозяйством», «От хозяина зависит благополучие дома», «Хозяйка должна быть экономной, бережливой» и др. Традиционные пословицы этих рубрик, представляющие уклад патриархальной русской крестьянской семьи, ценные в культурно-историческом плане, крайне редко используются в разговорной речи и медиатексте, не подвергаются трансформациям, а современные тенденции данных сфер представляют в словаре новые шутливо-иронические паремии, широко тиражируемые на развлекательных интернет-сайтах, активно используемые на личных страницах в социальных сетях в «статусе» – особой параметрической зоне, оперативно отражающей какие-либо события из жизни пользователя или его эмоциональные состояния. Так, современный шутливый ответ на вопрос о главенстве в семье дают паремии *Главный в семье не тот, кто зарабатывает деньги, а тот, кто их тратит; В семье, кто сидит на шее, тот и главный; Главный в семье тот, кто решает, какую программу смотреть* (krylfrazy.ru). Мнимое главенство мужа в соответствующей макростатье отражат неопаремии: *Муж – хозяин в доме, пока не пришла жена; Если мужчина утверждает, что он главный в доме, значит, он и в других случаях лжет*. Участие мужчины в ведении домашнего хозяйства представлено в женской паремиологической интерпретации: *Самая полезная вещь в доме – виноватый муж*. И даже если он все-таки хозяин, то не всегда соответствует критерию хозяйственности: *Всякий хозяин – барин, но не всякий барин – хозяйственный*. Да и само отношение к хозяйственным заботам и домашним делам у определенной части населения, согласно новым паремиям, значительно изменилось: *От работы по дому не умирают, но зачем рисковать; Домашними делами занимаются, когда нет денег на развлечения* (text-master.ru).

Таким образом, и аксиологический слой пословичного концепта будет представлен в его динамике, характер которой, что непременно следует учитывать, зачастую определяется не сменой мировоззренче-

ских установок и аксиологических ориентиров народного сознания, а модой на языковую игру и демонстрацию лингвокреативности, нацеленной на достижение комического эффекта (на что указывают и пометы *Шутл.*, *Шутл.-ирон.*).

Выводы

Итак, модель лингвоаксиологической репрезентации пословиц и пословичных концептов в алфавитно-стержневом и тематическом словарях базируется на обобщении отечественного лексикографического опыта и анализе современных динамических процессов, протекающих в паремиологическом фонде русского языка. Живые паремии, не ушедшие из активного употребления, как, например, многие пословицы, отражающие реалии крестьянской жизни и патриархальный семейный уклад, должны, согласно нашей концепции, отражаться в словарях с учетом разнообразных структурно-семантических трансформаций и новых аксиологических компонентов их содержания.

Представляемая модель лингвоаксиологической репрезентации паремий в алфавитно-стержневом словаре предполагает экспликацию оценочности не только исходной паремии, но и ее трансформов посредством эмотивно-оценочных помет, аксиологически ориентированных толкований и функционально-прагматических комментариев. Трансформы исходной пословицы группируются при ней по структурно-семантическим моделям преобразования, что позволяет системно отразить трансформационный потенциал паремии, показать динамику ее формальной и содержательной стороны, смещения аксиологического вектора.

В тематическом словаре нового типа оценочную составляющую пословичного концепта отражают заголовки макростатей, передающие общее аксиологическое содержание ряда паремий. Макростатьи под такими заголовками-аксиологемами группируются внутри тематических разделов в порядке от традиционных ценностных ориентиров лингвокультуры к новым оценочным установкам, репрезентируемым неопаремиями и пословичными трансформами, которые ранее не включались в тематические словари пословиц. Воплощение в пометах и комментариях эмотивно-оценочных характеристик пословичного материала, отражающего новые аксиологемы, позволяет заключить, что неопаремии и трансформы традиционных пословиц передают скорее шутливо-ироническое отношение номинаторов к отрицанию

традиционных ценностей, нежели их реальное отрицание и осмеяние, и нацелены в большей степени на реализацию стратегий создания комического эффекта высказывания в соответствии с лингвокреативными тенденциями современной русской речи.

Список источников

1. *Егорова А.В.* Система анималистических образов английской паремиологии: гендерный и аксиологический аспект // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (Лингвистический и лингвометодический аспекты) : материалы междунар. науч.-практ. конф. / ред. В.М. Мокиенко. Москва ; Кострома : Элпис, 2006. С. 50–53.
2. *Семененко Н.Н.* Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 213–232.
3. *Радбиль Т.Б., Сайгин В.В.* Концепт «Грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 36–59.
4. *Демешкина Т.А.* «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.
5. *Охолина И.Е., Курьянович А.В.* Концепт «Досуг» в русской лингвокультуре: структурно-содержательные характеристики и лексические средства выражения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 4 (201). С. 110–120.
6. *Волошина С.В., Толстова М.А.* Образный, аксиологический и символический слои концепта «Богатство» в диалектном дискурсе // Русский язык : история, диалекты, современность : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.Ф. Копосов. М. : Изд-во МГОУ, 2018. С. 75–82.
7. *Жуков К.А.* Актуализация ценностного аспекта концепта «Труд» в пословичной картине мира русского народа // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 47. С. 65–68.
8. *Абакумова О.Б.* Пословичные концепты и паремиологический дискурс // Ученые записки Казанского университета, 2011. Т. 153, кн. 6. С. 128–139.
9. *Бобровник Л.А.* Структура концепта «Дом» в английской, русской и белорусской лингвокультуре (на материале пословиц) // European Scientific Conference : сб. ст. X Междунар. научн.-практ. конф. Ч. 1 / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза : Наука и Просвещение, 2018. С. 199–201.
10. *Нелюбова Н.Ю.* Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. С. 50–59.
11. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Концептуальная дихотомия «Бог» – «Дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 55–62.
12. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков). Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317.

13. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. 1–2. М. : Изд-во М.О. Вольфа, 1879.
14. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М. : Изд-во. М.О. Вольфа, 1880–1882.
15. *Иллюстров И.И.* Сборник российских пословиц и поговорок. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1904. 475 с.
16. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
17. *Мокиенко В.М.* Школьный словарь живых русских пословиц. СПб. : Нева, 2002. 352 с.
18. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Народная мудрость. Русские пословицы. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. 416 с.
19. *Соколова М.И.* Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск : Offset, 2009. 622 с.
20. *Байрамова Л.К.* Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 10–12.
21. *Жуков К.А.* Языковая картина мира современной русской загадки: брэнное и вечное // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 60–63.
22. *Никитина Т.Г.* Москва как национальный символ в паремиологическом отображении: динамика культурных смыслов // Quaestio Rossica. 2020. № 5. С. 1534–1549.
23. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб. : Нева, 2005. 573 с.
24. *Мороз В.В., Рымарович С.Н.* Концепт «Дом»: историко-философские и культурфилософские основания // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 59–68.
25. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* К концепции полного словаря народной фразеологии: проблемы макроструктурирования // Вопросы лексикографии. 2018. № 4. С. 80–106.
26. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
27. *Никитина Т.Г., Роголёва Е.И., Бурешова Б., Рыковская М.* Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках. Praha : Fraus, 2013. 272 с.
28. *Роголёва Е.И., Никитина Т.Г.* Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками. М. : Русский язык. Курсы, 2019. 136 с.
29. *Старикова С.* В гостях хорошо, а дома плохо. О новой выставке с философским подтекстом. URL: fanlife.ru>Обзоры>3446 (дата обращения: 21.08.2021).
30. *Копыльских О.В., Чэ П.* Пословицы и поговорки о доме в русском и китайском фольклоре // Социальный активизм молодежи региона : материалы науч.-практ. конф. Тюмень : Изд-во Тюмен. индустр. ун-та, 2014. С. 294–296.
31. *Жекеева Е.З.* Пословицы о семье и доме в карачаево-балкарском и русском языках // Заметки ученого. 2015. № 1–1. С. 44–49.
32. *Снегирев И.М.* Русские в своих пословицах. Кн. 1–4. М. : Университетская типография, 1831–1834. Т. 2.

33. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М. : Сюита, 1996. 544 с.

34. Кострубина Е.А. Типы концептов: гиперконцепт «Семья – дом» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6. С. 51–57.

References

1. Egorova, A.V. (2006) [The system of animalistic images of English paremiology: gender and axiological aspect]. *Problemy semantiki yazykovykh edinits v kontekste kul'tury (Lingvisticheskiy i lingvometodicheskiy aspekty)* [Problems of the semantics of language units in the context of culture (Linguistic and linguo-methodological aspects)]. Proceedings of the International Conference. Moscow; Kostroma: Elpis. pp. 50–53.

2. Semenenko, N.N. (2020) Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of semantics of Russian proverbs. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 11 (2). pp. 213–232. (In Russian).

3. Radbil', T.B. & Saygin, V.V. (2019) The concept “Grekh” (“Sin”) in the context of the lexicographic description of key concepts of Russian culture. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 15. pp. 36–59. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/15/3

4. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a Phenomenon of the Siberian Linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). DOI:10.17223/19986645/56/3

5. Okholina, I.E. & Kur'yanovich, A.V. (2019) Concept “Leisure” in Russian linguistic culture: structural and informative characteristics and lexical means of expression. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 2019. 4 (201). pp. 110–120. (In Russian).

6. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2018) Obraznyy, aksiologicheskiy i simvolicheskiy sloi kontsepta “Bogatstvo” v dialektnom disкурсе [Figurative, axiological and symbolic layers of the concept “Wealth” in dialectal discourse]. In: Koposov, L.F. (ed.) *Russkiy yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost'* [Russian language: history, dialects, modernity]. Moscow: MRSU. pp. 75–82.

7. Zhukov, K.A. (2008) Aktualizatsiya tsennostnogo aspekta kontsepta “Trud” v poslovichnoy kartine mira russkogo naroda [Actualization of the value aspect of the concept “Labor” in the proverbial picture of the world of the Russian people]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 47. pp. 65–68.

8. Abakumova, O.B. (2011) Proverbial concepts and paroemic discourse. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 153 (6). pp. 128–139. (In Russian).

9. Bobrovnik, L.A. (2018) Struktura kontsepta “Dom” v angliyskoy, russkoy i belorusskoy lingvokul'ture (na materiale poslovits) [The structure of the concept “House” in English, Russian and Belarusian linguistic culture (on the basis of proverbs)]. In: Gulyaev, G.Yu. (ed.) *European Scientific Conference*. Collected articles of the 10th International Conference. Part I. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 199–201.

10. Nelyubova, N.Yu. (2019) The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady*

vysshey shkoly – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education. 6. pp. 50–59. (In Russian).

11. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019) The conceptual dichotomy “God” – “Devil” in Russian phraseology and paroemiology (against the Slavic background). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 447. pp. 55–62. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/447/7

12. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin.* 4 (54). pp. 303–317. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18

13. Dal', V.I. (1879) *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Vols 1–2. Moscow: M.O. Vol'f.

14. Dal', V.I. (1880–1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vols 1–4. Moscow: M.O. Vol'f.

15. Illyustrov, I.I. (1904) *Sbornik "rossiyskikh poslovits" i pogovorok* [Collection of Russian proverbs and sayings]. Kyiv: Typography of S.V. Kul'zhenko.

16. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [Big dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

17. Mokienko, V.M. (2002) *Shkol'nyy slovar' zhivyykh russkikh poslovits* [School dictionary of living Russian proverbs]. Saint Petersburg: Neva.

18. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2011) *Narodnaya mudrost'. Russkie poslovitsy* [Folk wisdom. Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

19. Sokolova, M.I. (2009) *Narodnaya mudrost'. Poslovitsy i pogovorki* [Folk wisdom. Proverbs and sayings]. Novosibirsk: Ofset.

20. Bayramova, L.K. (2014) Proverbs in “Axiological Dictionary of the Russian Idioms, The Dictionary of Values and Antivalues”. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NovSU.* 77. pp. 10–12. (In Russian).

21. Zhukov, K.A. (2009) Yazykovaya kartina mira sovremennoy russkoy zagadki: brennoe i vechnoe [Linguistic picture of the world of modern Russian riddle: mortal and eternal]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NovSU.* 51. pp. 60–63.

22. Nikitina, T.G. (2020) Moscow as a National Symbol: Dynamics of Cultural Meanings in Paremiology. *Quaestio Rossica.* 5. pp. 1534–1549. (In Russian).

23. Val'ter, Kh. & Mokienko, V.M. (2005) *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people]. Saint Petersburg: Neva.

24. Moroz, V.V. & Rymarovich, S.N. (2014) Kontsept “Dom”: istoriko-filosofskie i kul'turfilosofskie osnovaniya [The concept of “House”: historical, philosophical and cultural-philosophical foundations]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University.* 2 (30). pp. 59–68.

25. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2018) To the concept of a complete dictionary of popular phraseology: problems of macrostructuring. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 4. pp. 80–106. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/5

26. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint.

27. Nikitina, T.G., Rogaleva, E.I., Bureshova, B. & Rykovska, M. (2013) *Uchebnyy slovar' russkoy frazeologii na russkom i cheshskom yazykakh* [Learner's dictionary of Russian phraseology in Russian and Czech]. Prague: Fraus.
28. Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2019) *Puteshestvие po Rossii s russkimi poslovitsami i pogovorkami* [Traveling around Russia with Russian proverbs and sayings]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.
29. Starikova, S. (2013) *V gostyakh khorosho, a doma plokho. O novoy vystavke s filosofskim podtekstom* [Away is good, but at home is bad. About a new exhibition with philosophical overtones]. [Online] Available from: <https://fanlife.ru/reviews/3446> (Accessed: 21.08.2021).
30. Kopyl'skikh, O.V., Che, P. (2014) [Proverbs and sayings about the house in Russian and Chinese folklore]. *Sotsial'nyy aktivizm molodezhi regiona* [Social activism of the youth of the region]. Proceedings of the Conference. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University. pp. 294–296. (In Russian).
31. Zhekeeva, E.Z. (2015) Proverbs about family and home in the Karachay-Balkar and Russian languages. *Zametki uchenogo*. 1 (1). pp. 44–49. (In Russian).
32. Snegirev, I.M. (1831–1834) *Russkie v svoikh poslovitsakh* [Russians in their proverbs]. Vols 1–4. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
33. Zimin, V.I. & Spirin, A.S. (1996) *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Ob "yasnitel'nyy slovar' [Proverbs and sayings of the Russian people. Explanatory dictionary]. Moscow: Syuita.*
34. Kostrubina, E.A. (2010) Types of concepts: hyperconcept “Family – home”. *Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 6. pp. 51–57. (In Russian).

Сведения об авторах:

Никитина Татьяна Геннадьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры образовательных технологий Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: cambala2007@yandex.ru

Рогалёва Елена Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры образовательных технологий Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: cambala2010@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Tatiana G. Nikitina, Dr. Sci. (Philology), professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: cambala20107@yandex.ru

Elena I. Rogaleva, Dr. Sci. (Philology), professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: cambala2010@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2022;
одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 28.04.2022;
approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 811.61.1
doi: 10.17223/22274200/24/5

Прецедентные феномены из детской литературы и их лексикографическое описание

Валентина Данииловна Черняк¹,
Константин Павлович Сидоренко², Елена Павловна Носова³

^{1, 2} *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

³ *Гимназия № 205, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *vdcher@yandex.ru*

² *sidorenko274@yandex.ru*

³ *elena.awesomenights@yandex.ru*

Аннотация. Прецедентные феномены, восходящие к текстам детской литературы, занимают значительное место в тезаурусе современника. Они регулярно воспроизводятся в различных типах текстов, многие из них уже утвердились в лексико-фразеологической системе языка как самостоятельные единицы и представлены в словарях различных типов. В статье обосновывается необходимость описания этой части интертекстуального тезауруса в специальном словаре. Описан опыт создания краткого словаря прецедентных феноменов, связанных с детской литературой.

Ключевые слова: прецедентные феномены, интертекстуальный тезаурус, словарное описание, словарь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии).

Для цитирования: Черняк В.Д., Сидоренко К.П., Носова Е.П. Прецедентные феномены из детской литературы и их лексикографическое описание // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 93–112. doi: 10.17223/22274200/24/5

Original article

doi: 10.17223/22274200/24/5

Precedent phenomena from children's literature and their lexicographic description

Valentina D. Cherniak¹, Konstantin P. Sidorenko²,
Elena P. Nosova³

^{1,2} Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russia

³ Gymnasium 205, Saint Petersburg, Russia

¹ vdcher@yandex.ru

² sidorenko274@yandex.ru

³ elena.awesomenights@yandex.ru

Abstract. Precedent phenomena from texts of children's literature occupy a significant place in the thesaurus of a contemporary. They are regularly reproduced in various types of texts, many of them have already established themselves in the lexical and phraseological system of the language as independent units (Doctor Aibolit, Cinderella) and are presented in dictionaries of various types. The article substantiates the need to describe this part of the intertextual thesaurus in a special dictionary. The experience of creating a concise dictionary of precedent phenomena related to children's literature, functioning in modern speech, and being an integral part of the cultural memory of the Russian language personality is described. The composition of the dictionary and the components of the dictionary entry are characterized, the possibilities of interpretation of intertext elements are shown. Many elements of children's reading are firmly fixed in the lexical system of the language, as evidenced by their inclusion in entries of explanatory dictionaries. The components that go back to texts of children's literature are also presented in the phraseological part of dictionary entries or as illustrative material. Not all precedent phenomena acquire linguistic stability, but they are actively reproduced in oral and written speech and are potentially ready to enter the lexical and phraseological system. An attempt to create a dictionary was made in the publication *Little Son Came to His Father: Precedent Names and Sayings From Children's Literature. An Experience of a Dictionary*. The words chosen as the title are lines from Vladimir Mayakovsky's poem "What is Good and What is Bad", written in 1925; they are actively functioning in speech today. However, these words also contain a second significant meaning – a dialogue of different generations. Attention to precedent names and statements from children's literature is very important today in connection with the urgent problems of preserving the national cultural code, without which neither adequate understanding of texts nor effective

communication of representatives of different age, cultural, and social groups is possible. Precedent statements and precedent names from Soviet children's literature, which for decades have been (and partly still are) a significant component of children's reading, are widely represented in the "experience of a dictionary". The dictionary presents fairly widely precedent phenomena from the texts of Russian literature, traditionally included in the circle of children's reading. The texts of foreign children's literature from different eras are also significant in the intertextual thesaurus; precedent phenomena from them have been included in the dictionary. The source of the contexts of use in the dictionary were the materials of the Russian National Corpus, as well as examples collected by the compilers, including from the texts of the latest Russian fiction. The nominations functioning in the space of a modern city were also taken into account. The number of illustrations given in dictionary entries varies. It depends on the degree of representation of a phenomenon in written sources, but does not always coincide with its actual prevalence in live speech. Precedent names occupy a special place in the dictionary.

Keywords: precedent phenomenon, children's literature, cultural memory, language personality, dictionary entry, national cultural code, intertextual thesaurus.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-512-18006 Bulg. a: Verbalization of cultural memory: Precedent phenomena in psycholinguistic thesaurus of young Russians and Bulgarians.

For citation: Cherniak, V.D., Sidorenko, K.P. & Nosova, E.P. (2022) Precedent phenomena from children's literature and their lexicographic description. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 24. pp. 93–112. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/24/5

В тезаурусе практически любой языковой личности присутствует достаточно широкий круг прецедентных феноменов, связанных с читательским опытом первых лет жизни. Прочитанные в детстве книги (а применительно к раннему детству – многократно прослушанные) оставляют прочные следы в структуре языковой личности, ее лексиконе и тезаурусе в виде многочисленных имен и фрагментов текстов, о чем убедительно свидетельствуют материалы ассоциативных словарей. По справедливому замечанию Л.О. Чернейко, «детский опыт во многом определяет мировосприятие взрослого». Автор приводит образные и очень показательные для осмысления места детского чтения в тезаурусе языковой личности слова А. Белого о том, что все детские восприятия «не врезаются, а врубаются в мозг» [1. С. 127]. Именно поэтому прецедентные феномены из текстов детской литературы

остаются в сознании на всю жизнь, являясь значимой частью национального культурного кода. Они активно используются в коммуникации – в публицистике, художественной литературе, в повседневной речи, являются элементом «речевых одежд» города.

Цель данной статьи – показать место прецедентных феноменов, связанных с детским чтением, не только в тезаурусе языковой личности, но и в лексико-фразеологической системе русского языка, и представить опыт словаря прецедентных феноменов из детской литературы.

Прецедентные имена и прецедентные высказывания из круга детского чтения имеют различные источники, поскольку само понятие «детское чтение» рассматривается достаточно широко – от первых стихотворений для самых маленьких К. Чуковского и А. Барто до популярных произведений А. Гайдара и В. Катаева, от русских народных сказок до сказок Андерсена, от приключенческих романов Ж. Верна до эпических фэнтези Толкина. Как следствие, они имеют разный статус в культурном поле современной прецедентики. Их неоднородность объясняется во многом разной степенью вхождения авторского текста в интертекстовую базу языка, которая структурируется на основе импринтинга – реакции запечатлевания [2. С. 181].

О том, что многие элементы детского чтения прочно закреплены в лексической системе языка, свидетельствует их включение в словарные статьи толковых словарей. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [3] присутствуют словарные статьи, посвященные прецедентным единицам, связанным с детской литературой (*Айболит*, *Баба-Яга*, *Жар-Птица*, *Золушка*, *Незнайка*, *Русалочка*, *Снегурочка*, *Тимуровец*). Компоненты, восходящие к текстам детской литературы, представлены также во «фразеологической части» словарных статей либо в качестве иллюстративного материала.

Об устойчивости и воспроизводимости прецедентных феноменов, связанных с детским чтением, свидетельствует то, что значительная их часть прошла процесс фразеологизации. Такие обороты, как *золотая рыбка*, *у разбитого корыта*, *голый король*, *принцесса на горошине*, *последний из могикан*, *одной крови*, вошли в лексико-фразеологическую систему русского языка как ее особые единицы – цитатные фразеологизмы. Об их языковом статусе говорит фиксация во фразеологических словарях. Например, они отмечены в двухтомном «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Федорова (см. словарные статьи *золотая рыбка*, *голый король*, *у*

разбитого корыта и др.) [4]. В новейший «Академический словарь русской фразеологии» включены фразеологизмы *богатенький Буратино* и *кому вершки, кому корешки* [5]. Ассоциативные связи с текстами детской литературы становятся существенным элементом толкования фразеологизмов, хотя и выполняют в словарных статьях разную роль.

Особое место в интертекстовой лексикографии занимают словари крылатых выражений (крылатых слов). К ним относятся «сверхсловные образования, уже превратившиеся в языковые единицы: помимо связи со своим источником они обладают воспроизводимостью, устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры <...> а также стабильностью семантики, закреплённой за каждым оборотом в языковом узусе» [6. С. 5]. Устойчивые единицы, источником которых является детская литература, в словарях этого типа также занимают существенное место. Так, в «Словаре крылатых слов и выражений нашего времени» Л.П. Дядченко [7] находим словарные статьи *Алиса в Стране чудес* (Кэрролл); *дама сдавала в багаж...* (Маршак); *дедушка Мазай и зайцы* (Некрасов); *дёрни за верёвочку – дверь и откроется* (Перро); *детки в клетке* (Маршак); *дядя Стёпа* (Михалков); *и стали они жить-поживать и добра наживать* (концовка многих русских сказок); *Карлсон, который живет на крыше* (Линдгрен); *Конёк-горбунок* (Ершов); *цветик-семицветик* (Катаев); *я б рабочий пошел* (Маяковский) и др.

Как показывают наблюдения, не все прецедентные феномены приобретают языковую устойчивость, однако они активно воспроизводятся в устной и письменной речи и потенциально готовы войти в лексико-фразеологическую систему. Такие выражения, как *Акела промахнулся*; *Великий и ужасный*; *Железный Дровосек*; *Поле чудес*; *Пациент скорее жив, чем мертв*; *Дело было вечером, делать было нечего...*; *Наша Таня громко плачет* и другие, обладают воспроизводимостью, афористичностью, соотносимостью с соответствующим источником (отметим, правда, относительность последнего критерия, связанную с постоянно меняющимся кругом чтения, с изменениями в культурном коде). Подобные прецедентные феномены можно включить в особую область устойчивых выражений, которую В.Н. Телия назвала фразеологией-6: в нее входят воспроизводимые в готовом виде обороты, не ставшие единицами языка, а максимально сохранившие характер «цитации» [8. С. 75].

Высокой степенью воспроизводимости обладают многие прецедентные имена из детской литературы. Антропонимы *Айболит*, *Бу-*

ратино, *Чиполлино*, *Незнайка*, *Золушка* и другие активно используются в речи как значимые ресурсы прагматикона языковой личности. Несомненная важная роль прецедентных феноменов, связанных с детским чтением, делает актуальной задачу их лексикографического представления, так как до сих пор их место в лексикографических изданиях специально не обозначается. В характеристике прецедентных феноменов этот мощный ресурс остается на периферии.

С нашей точки зрения, этот значимый пласт прецедентики требует своего описания в специальном лексикографическом издании, где будут в рамках одного словарного пространства представлены разные типы прецедентных феноменов.

Первая попытка создания такого словаря была предпринята нами в книге «Крошка сын к отцу пришел: прецедентные имена и высказывания из детской литературы. Опыт словаря» [9]. Выбранные в качестве заглавия слова «Крошка сын к отцу пришел» неслучайны. Эта и другие строки из стихотворения Владимира Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», написанного в 1925 г., активно функционируют в речи и сегодня. Однако в этих словах заложен и второй значимый для нас смысл – диалог разных поколений. Внимание к прецедентным именам и высказываниям из детской литературы очень важно сегодня в связи с актуальными проблемами сохранения национального культурного кода, без которого невозможны ни адекватное понимание текстов, ни эффективное общение представителей разных возрастных, культурных, социальных групп. В контексте исследования интертекстуального тезауруса [10] и его лексикографического представления актуальным представляется понимание культурного кода как «орудия для выражения смыслов, имеющих разные формальные “обличья”» [11. С. 341].

Неслучайным был выбор подзаголовка – «Опыт словаря», поскольку описанные в нашем словаре 130 прецедентных имен и высказываний – лишь небольшая часть того, что представлено в интертекстуальном тезаурусе современной языковой личности и активно функционирует в различных типах дискурсов.

В формировании словника составители опирались на имеющиеся словарные описания прецедентных феноменов из детской литературы, на опросы, проводившиеся в школьной и студенческой аудитории, на материалы Национального корпуса русского языка. При этом мы сознательно на первом, «опытном», этапе лексикографического

описания этой части русской прецедентики сократили число феноменов из ряда чрезвычайно значимых источников, например, из сказок А.С. Пушкина, являющихся на протяжении двух столетий важной составляющей детского чтения и ресурсом крылатых слов, или из наиболее популярных басен И.С. Крылова. Многие из них описаны в ряде словарных изданий [12–14].

Особенно широко представлены в «Опыте словаря» прецедентные высказывания и прецедентные имена из советской детской литературы, которые на протяжении десятилетий являлись (а отчасти и сейчас являются) значимой составляющей детского чтения: *а за ним комарики на воздушном шарике* (К. Чуковский); *а у нас в квартире газ* (С. Михалков); *Мальчиш-Кибальчиш* (А. Гайдар); *золотой ключик* (А. Толстой); *Незнайка* (Н. Носов); *старик Хоттабыч* (Л. Лагин); *королевство кривых зеркал* (В. Губарев).

Достаточно многочисленны в словаре прецедентные феномены из текстов русской литературы, традиционно входящих в круг детского чтения: *все равны, как на подбор* (А. Пушкин); *дед Мазай* (Н. Некрасов); *аленький цветочек* (С. Аксаков); *лягушка-путешественница* (В. Гаршин); *хозяйка медной горы* (П. Бажов), хотя, как уже было отмечено, этот богатейший ресурс в процессе дальнейшей работы над словарем требует более полного описания и серьезной интерпретации.

Важным явился и такой источник, как русские народные сказки, занимающие существенное место в интертекстовом пространстве. Здесь имеют место многочисленные цитаты, собирательные образы, прецедентные имена, устойчивые речевые формулы: *в некотором царстве, в некотором государстве*; *вот и сказке конец, а кто слушал – молодец*; *Баба-Яга*, *Змей-Горыныч*, *серый волк*, *Иван-дурак*, *Кощей Бессмертный*; *я от бабушки ушел* и т.п.

Значимы в интертекстуальном тезаурусе тексты зарубежной детской литературы разных эпох, прецедентные феномены из которых вошли в словарь: *Винни Пух* (Милн); *всё страньше и страньше, всё чудесатее и чудесатее* (Л. Кэрролл); *Дюймовочка* (Андерсен); *Золушка* (Перро); *кошка, которая гуляла сама по себе* (Киплинг); *Пиноккио* (Коллоди); *Фрекен Бок* (Линдгрэн); *барон Мюнхгаузен* (Распе) и др. Изменения в круге чтения современного ребенка обусловили включение в словник таких единиц, как *Гарри Поттер*, *Волан-де-Морт*, *Хогвартс*. Несомненно, этот круг прецедентных феноменов требует в дальнейшем более полного представления.

Источником контекстов употребления в словаре явились материалы Национального корпуса русского языка, а также примеры, собранные составителями, в том числе из текстов новейшей отечественной беллетристики. Учитывались также номинации, функционирующие в пространстве современного города. Количество приводимых иллюстраций в словарных статьях различно. Оно зависит от степени представленности того или иного феномена в письменных источниках, но не всегда совпадает с его реальной распространенностью в живой речи (например, чрезвычайно распространенное выражение «страна дураков» в Национальном корпусе русского языка представлено лишь несколькими употреблениями; незначительно отражены в НКРЯ прецедентные высказывания из детских стихотворений, часто использующиеся в качестве стереотипных речевых клише, например, *А у нас в квартире газ; И такая дребедень целый день; Я уколов не боюсь...* и т.п.).

При отборе материала составители столкнулись с содержательно значимым «наложением» источников ряда описываемых единиц: часть прецедентных феноменов из детской литературы закрепляется в интертекстуальном тезаурусе благодаря их бытованию в популярных мультфильмах [15], что отмечается в соответствующих словарных статьях. Подчерунём, что это явление нашло отражение и в специальном лексикографическом издании С.Г. Шулежковой [16].

Остановимся подробнее на характеристике словника.

Среди прецедентных высказываний выделяются единицы, отчетливо сохраняющие цитатный характер: *а за ним комарики на воздушном шарики; а орешки не простые, все скорлупки золотые, ядра – чистый изумруд; а у нас в квартире газ; в меру упитанный мужчина в полном расцвете сил; вот и сказке конец, а кто слушал – молодец; все равно его не брошу, потому что он хороший; у меня зазвонил телефон* и т.п.

Значительная часть представленных в словаре прецедентных феноменов прошла процесс фразеологизации, утратив (или почти утратив) в обыденном сознании связь с источником: *битый небитого везет; волк и семеро козлят; великий и ужасный; все равны как на подбор; где это видано, где это слыхано; золотой ключик; серый волк* и т.п.

Особое место в словаре занимают прецедентные имена: *Айболит (доктор Айболит), Баба-Яга, братец-Кролик, Карабас Барабас, Ва-*

силуса Прекрасная, Гулливер, Иванушка-дурачок, Чебурашка и др. К прецедентным именам типологически примыкают и номинации прецедентных персонажей – *бандерлоги, дуболомы, муха-цокотуха*.

Отдельные описанные в словаре прецедентные единицы получили актуализацию в детской литературе, не относясь исконно к книгам для детей, и в значительной степени благодаря ей заняли свое место в интертекстуальном тезаурусе (ср., например, *барон Мюнхгаузен*).

Структура словарной статьи содержит обязательные компоненты, но их наполнение зависит от специфики описываемой единицы.

После заголовочного комплекса и краткой справки об источнике (ср.:

БРАТЕЦ КРОЛИК. Персонаж книги американского писателя Дж. Харриса, изданной под названием «Сказки дядюшки Римуса». Сказки основаны на фольклоре рабов южных штатов США [9. С. 32];

БАРОН МЮНХГАУЗЕН. Герой рассказов о невероятных приключениях, рассказанных якобы им самим и известных по книге Р.Э. Распе. Российские дети знакомы с бароном Мюнхгаузеном по авторизованному переводу К. Чуковского [9. С. 27])

во многих случаях представлен фрагмент текста-источника. Дискуссионной остается проблема объема цитируемого фрагмента. Так, например, в стихотворении К. Чуковского «Телефон» к интертекстуальным высказываниям можно отнести практически любую его часть.

В отдельных случаях в словаре указываются возможные варианты прецедентных имен: *Кощей (Кащей) Бессмертный, Иван-дурак (Иванушка-дурачок)*.

Ряд словарных статей сопровождается фрагментами текстов, раскрывающими значимые содержательные характеристики прецедентного феномена или показывающими его место среди других текстов, связанных с детским чтением. Приведем несколько примеров:

[Словарная статья **БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ**]. Примером того, как различие в устройстве мира вызывает непонимание, может служить разговор Алисы с Болванщиком («*Безумное чаепитие*») по поводу его часов, которые «отстали на два дня» и вообще показывают не час, а число (Е.В. Падучева. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла) [9. С. 29].

[Словарная статья **ДАМА СДАВАЛА В БАГАЖ ДИВАН, ЧЕМОДАН, САКВОЯЖ**]. Любимое детьми стихотворение С. Маршака «*Багаж*» содержит строки, которые дети запоминают на всю жизнь:

Дама сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж, корзину, картину, картонку и маленькую собачонку. Что значит *багаж*? Это слово тоже обобщение, но ведь принцип обобщения здесь иной, нежели в слове *овощи* (Р. Фрумкина. Психолингвистика) [9. С. 64];

[Словарная статья **МАМЫ РАЗНЫЕ НУЖНЫ, МАМЫ ВСЯКИЕ ВАЖНЫ**]. Как верно указывает Сергей Баруздин, близость стихов С. Михалкова к народной поэзии подтверждается тем, что многие их строки вошли в обиходный разговорный язык: «Из районных великанов самый главный великан», «Мы с приятелем вдвоем замечательно живем», «Мамы разные нужны, мамы всякие важны» и т.д. (К. Чуковский. От двух до пяти) [9. С. 116].

Отметим, что в ряде приводимых в словаре фрагментов текстов, содержащих описываемые прецедентные феномены, подчеркивается их совместное существование в интертекстуальном пространстве. Например, в словарной статье **БУРАТИНО** приводятся следующие высказывания, где естественно пересекаются прецедентные имена, представленные в интертекстуальном тезаурусе и описываемые в соответствующих словарных статьях:

В *Незнайке* Н. Носова обнаружились приметы гоголевского Хлестакова, в образе *Электроника* проступили черты азимовских *големов*, а *Буратино* – в зависимости от времени экранизации его приключений – становился то сталинским соколом, то диссидентом-«шестидесятником», то социальным аутсайдером (Р. Арбитман. Ленин, Шапокляк и другие);

Но и сюда проникли щупальца этого спрута. Исподволь, с хиханьками, через наших детей: все эти *Буратино*, *Тортиллы*, *Чиполлино*, *Джесольмино* и прочие *Пиноккио* и «уно, уно моменто»... Кстати, писатель Гоголь и художник Иванов – где сошли с ума? В Италии. И сами ли? (О. Санчес. Нация над миром) [9. С. 33].

В определении семантики прецедентной единицы, интерпретируемой в словаре, нередко используется языковая рефлексия носителей языка. Например, высказывание *Акела промахнулся* в интернет-общении комментируется так: «*Акела промахнулся, Акела промахнулся! Вспомнили откуда это? А что это значит? Если Акела промахнулся, это значит, стае нужен новый вождь. Само выражение означает злорадство из-за чужого промаха. Акела был лидером волчьей стаи и на охоте не имел права промахиваться, иначе он автоматически становится “мертвым волком”, физически он жив, но его лидерские позиции рухнут* (Макошь. Акела промахнулся?! Или анатомия злорадства)» [9. С. 17].

Важнейшей частью каждой словарной статьи является описание особенностей использования прецедентной единицы в речи. Чаще всего они представлены в упрощенной формуле «О чем-то...» или «О ком-то...». Ср.:

ВЛАДЕЛЕЦ ЗАВОДОВ, ГАЗЕТ, ПАРОХОДОВ. Об очень богатом человеке [9. С. 43–44];

ВОЛАН-ДЕ-МОРТ. О том, чье имя не называют [9. С. 46];

ГАДКИЙ УТЕНОК. О том, чьи возможности, достоинства, талант незаметны и до поры скрыты [9. С. 56].

Обращение к широкому кругу контекстов позволяет выявить реализуемые в речи значения прецедентных феноменов или воспроизводимые в коммуникации смыслы. Показательными в этом отношении являются многочисленные выражения из книги А. Толстого «Приключения Буратино». В этой связи уместно вспомнить, что Ю.С. Степанов включил Буратино в число констант русской культуры. «Кто в России теперь не знает веселого деревянного человечка с длинным носом – *Буратино*! Его любят и дети и взрослые, которые еще недавно, в детстве, были детьми. Едва ли не в каждой семье есть, почти ее член, кукла *Буратино*, или шоколадка «*Буратино*», или бутылочки сладкой детской воды «*Буратино*», или конфеты, вафли, жевательная резинка «*Буратино*». Все постоянно смотрят мультфильмы, «мультки» про *Буратино*, спектакли про *Буратино* <...> *Буратино* – не просто кукла, – это концепт русской культуры нашего времени <...> Буратино окутан ассоциациями» [17. С. 699]. В речи, как показано в словаре, представлены достаточно частотные значения этого прецедентного имени: «О неуравновешенных детях»; «О глуповатом, недалеком человеке» [9. С. 33–35], а также устойчивые сравнения с образом *Буратино*, связанные, прежде всего, с его длинным носом. Имя *Карабас-Барабас* устойчиво используется в шутивно-отрицательной оценке руководителя, политика, практикующего жесткие формы управления подчиненными [9. С. 92–93]; пара *лиса Алиса* и *кот Базилио* – при характеристике обманщиков, мошенников [9. С. 104–105]; *Мальвина* – при описании женщины с голубыми волосами [9. С. 110].

Расположение «значений-блоков» определяется активностью используемых иллюстративных контекстов, т.е. в начале даются наиболее частотные, в конце – единичные употребления, случаи игровых

употреблений, использование прецедентных имен в названиях. Приведем в качестве примера еще одну словарную статью.

АЙБОЛИТ (ДОКТОР АЙБОЛИТ)

Герой сказки в стихах и прозаической сказки К. Чуковского, доктор, лечивший зверей.

В 1929 году компанию докторов мировой литературы (Фауст, Ватсон и так далее) пополнил самый добрый и самоотверженный – *доктор Айболит*. Говорят, что своего «*Айболита*» Корней Чуковский написал под влиянием сказки про английского доктора Дулиттла. Случай в советской литературе, прямо скажем, нередкий (В. Быков, О. Деркач. Книга века).

О ветеринарах и ветеринарной службе.

В чемоданчике хранились бинты, градусники и шоколадки. Доктор *Айболит* всегда лечил животных градусниками и шоколадками. И вот Костик с мамой устроились на балконе, чтобы сразу увидеть Петра Петровича, когда тот придет, и читали стихи про доктора *Айболита*. Кто что вспомнит (М. Аромштам. Мохнатый ребенок).

Не столько ведь врачует нынешний *айболит*, сколько корпит над сводками да отчетами. А в промежутках, как мальчик на побегушках, выбивает то одно, то другое. И он же, *айболит*, сопровождает собственных пациентов на бойню, где они сутками томятся в ожидании. Нет, не вдохновляла тебя эта перспектива. Лучше уж, решила, областная ветслужба (Р. Киреев. Четвертая осень).

Вот уж не думал, не гадал, что когда-нибудь попаду в часть Африки, расположенную между этими двумя реками! Ведь сначала Замбези, а потом Лимпопо, куда ездил лечить зверей *добрый доктор Айболит*, служили политическим водоразделом Черного континента (В. Овчинников. Своими глазами).

Дмитрию Васильеву, который отмечает в Московском зоопарке за здоровье крокодилов, змей, черепах, игуан и иже с ними, с пеленок была уготована стезя «*доктора Айболита*» (АиФ. 2016. № 43, 26 октября – 1 ноября).

О врачах.

Все бы ничего, но *добрый доктор Айболит* напугал меня не на шутку: «Очень похоже на воспаление легких... Жду вас завтра с флюорографией!» (А. Артемкин. Минздрав предупреждает... или Как я бросал курить // Комсомольская правда. 2008.08.13).

А у этого врача за плечами минимум два поколения интеллигентов. *Добрый доктор Айболит* из районной поликлиники. И на лице сострадание к моим мукам и ярко выраженное желание помочь мне от них избавиться (М. Ибрагимбеков. Кто поедет в Трускавец).

В названиях.

Добро пожаловать в детскую клинику «*Доктор Айболит*». Детская медицина на высоком уровне. Клиника, которой вы можете доверять. Пе-

диатрия врачи – специалисты УЗИ и функциональная диагностика Забор Анализов. Напишите нам. (<http://doctoraibolit34.ru>)

Айболит. Антивирусная программа (в жаргоне программистов и пользователей персональными компьютерами) [9. С. 15–16].

Содержание словарной статьи определяется двумя принципами: стремлением к семантической цельности слова или фразеологизации, актуализацией компонентов содержания в рамках слова или сверх-словного единства. Функциональная динамика выявляется в новых применениях, отражающих коммуникативный потенциал прецедентного феномена. Как показывает материал приведенной словарной статьи, во многих случаях наблюдается вариативность представления прецедентного феномена (расширение или сужение состава, трансформация одного или нескольких компонентов, прописная или строчная буквы, наличие/отсутствие кавычек).

В каждом случае содержание прецедентной единицы и ее функциональный потенциал открывают новые интерпретационные возможности. Актуализированные в современной речи семантические признаки прецедентного феномена располагаются в порядке убывающей функциональной активности.

При этом учитываются устойчивые ассоциативные связи, о которых свидетельствуют данные ассоциативных словарей и специальных экспериментов, а также интертекстуальные связи в тексте и динамика интертекстуального тезауруса. Покажем это на примере нескольких словарных статей.

Фрагмент из стихотворения К. Чуковского «Тараканище» взят в качестве заголовка словарной статьи **А ЗА НИМ КОМАРИКИ НА ВОЗДУШНОМ ШАРИКЕ.**

Сегмент *комарик* как главный компонент прецедентной единицы выступает в качестве темы, на основе которой происходит формирование ассоциативных блоков: О борьбе с комарами (Семерых одним ударом, или А за ним *комарики на воздушном шарике*?); О назойливости комаров, проблемах, которые создают их укусы и т.д. (*Комарики на воздушном шарике*: звезд атакуют насекомых); В рекламе средств, помогающих при укусах насекомых (А от них *комарики на воздушном шарике*) [9. С. 10].

«Антикомариная» доминанта прецедентного высказывания-цитаты очевидна. В меньшей степени активна вторая часть – *воздушный шарик*. Соответственно, возникают смысловые блоки, структурирующие

вторую часть словарной статьи, которая воспроизводится в других контекстах: о полете на воздушном шаре, об обзоре с высоты в интернет-игре.

В словарной статье представлено и игровое использование прецедентного феномена в учебном тексте по физике:

Как вы думаете, действительно ли летели *комарики на воздушном шарике* или им пришлось тащить этот *шарик* на себе. Средняя плотность воздушного шарика 1,5 кг/м³. Свой ответ обоснуйте (<https://iotvet.com/fizika/487872.html>) [9. С. 11].

Словарная статья **ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ** делится на сегменты *волк* и *семеро козлят*, также определяющие ее структуру и выделяемые смысловые блоки, каждый из которых получает в словарной статье комментарий. Прежде всего, прецедентный феномен используется для характеристики враждебных отношений между родителями и детьми:

Где гарантия, что выращенные «*семеро козлят*» не взглянут потом на своих родителей как на чужого и враждебного волка? (Труд, 2001.04.05) [9. С. 47].

В текстах реализуется и другой интертекстовый дериват – о проблемах, возникающих в связи с многодетностью:

Конкурентов у медиа-холдинга «Московское время» полно, а темка для «журналистского расследования» вполне подходящая, особенно если у Петра Борисовича остались жена и *семеро козлят*, один другого меньше (Т. Устинова. Подруга особого назначения) [9. С. 47].

Противопоставление противоборствующих сторон (*волк – козлята*) нередко используется в политическом дискурсе для описания международных отношений, расстановки политических сил:

Ситуация вокруг России и «большой семерки» напоминает сказку «*Волк и семеро козлят*» (Комсомольская правда. 2002.1.05) [9. С. 46].

Заложенный в исходном тексте компонент *семеро* дает и другой деривационный интертекстовый шаг – «большое количество», служащий основой для обобщенной характеристики множественности (в заметке о вместительных автомобилях):

Лев и семеро козлят. Кто-то подсчитал, что большинство европейских машин возят постоянно одного-двух человек. На Peugeot решили пойти от обратного – в качестве опции вы можете заказать два дополнительных си-

дня и путешествовать всемером! Если у вас в семье пятеро детей (Д. Гронский. Семеро одного) [9. С. 47].

Несколько иным предстает лексикографическое осмысление слов **А У НАС В КВАРТИРЕ ГАЗ** из стихотворения С. Михалкова «А что у вас?». Ассоциативный потенциал прецедентного феномена ведет к проблемам, связанным с газом, в результате чего возникает смысловой блок «О проблемах газоснабжения и безопасности использования газа»:

Блатные дворовые парни не работали, целыми днями сидели на дровянике (*а у нас в квартире газ, а у них его еще не было*), лузгали семечки, пили разливное пиво с астраханской воблой-черноспинкой (В. Глейзер. Горького, 28); *А у нас в квартире газ*. Представьте себе, что через полтора часа горения двух конфорок концентрация в воздухе кухни диоксида углерода, сернистого газа, предельных и непредельных углеводородов в пять раз превышает предельно допустимую даже для промышленных предприятий! (Семейный доктор. 2002. 15.12) [9. С. 13].

Актуальным в современной речи является использование прецедентной единицы в качестве шутильной реплики в демагогическом общении (ответ на вопрос *А что у вас?*):

Теперь на любой вопрос «*А что у вас?*» – с демократией, с правами человека, с коррупцией, наконец, – Россия может уверенно ответить: «*А у нас в квартире газ*» (Д. Быков. *А у нас в квартире газ*); «*А у нас в квартире газ, а у вас? – А у нас газопровод, вот!*» – президенты Украины и России выказали изрядную долю юмора, проведя в стихотворной форме «блиц-переговоры» по транзиту газа. «Материалом» для обмена «шутками» стал детский стишок Сергея Михалкова «А что у вас?» (Московский комсомолец. 24 декабря 2019) [9. С. 14].

Содержание словарных статей показывает закономерность того, что Ю.Н. Караулов называл «реинтерпретируемостью» прецедентного текста [18. С. 217]. Именно ассоциативная сегментация цельного прецедентного высказывания определяет направления семантической деривации, отраженные в содержании смысловых блоков в рамках словарной статьи. Как видим, такие семантические векторы могут контрастировать в содержательном аспекте. Ср., например:

ЗОЛУШКА. О девушке из простой семьи, удачно вышедшей замуж; О том, чья судьба чудесным образом изменилась; О ком-либо, кто потерял обувь; О ком-либо, кто внезапно ушел, исчез [9. С. 83–85].

Следует подчеркнуть также актуальную для описываемых прецедентных феноменов функцию: нередко они используются в качестве стандартных коммуникативных клише. Ср., например:

У МЕНЯ ОПЯТЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ И ПЯТЬ (шутливо: об измерении температуры тела) [9. С. 184];

МЫ С ТАМАРОЙ ХОДИМ ПАРОЙ (в шутливой оценке совместных действий, интересов, сотрудничества) [9. С. 130–131];

ДЕЛО БЫЛО ВЕЧЕРОМ, ДЕЛАТЬ БЫЛО НЕЧЕГО (как шутливая вступительная фраза при описании каких-либо событий, происшествий) [9. С. 58].

В заключение отметим, что лексикографическая систематизация материала позволила выявить существенные черты значимой составляющей ассоциативного тезауруса языковой личности.

Работа над любым словарем предполагает внимание к запросам пользователя. В предлагаемом опыте словаря мы ориентировались на широкого читателя, прежде всего учителя, преподавателя русского языка как неродного или как иностранного, студента-филолога. Очевидно, что изменение круга чтения современного ребенка требует особого внимания к интертекстуальным включениям, являющимся значимой частью культурного кода. Детская книга символизирует связь поколений, является частью национального культурного кода и необходима для адекватного восприятия современных текстов. Даже если те или иные тексты детской литературы оказываются за пределами круга чтения современного ребенка, образованный носитель русского языка должен ориентироваться в том интертекстуальном богатстве, которое складывалось на протяжении десятилетий. Материалы словаря призваны убедить читателя в том, что следы детского чтения в лексиконе человека проявляются в различных типах текстов, в СМИ, в том числе в политическом дискурсе [19], в массовой литературе [20], рекламе, различных городских наименованиях. При утрате тех или иных фрагментов интертекстуального тезауруса останутся непонятными многие современные тексты, о чем свидетельствует иллюстративный материал словаря.

Явная фразеологизация многих устойчивых выражений, описанных в словаре, отражает заметный процесс в развитии фразеологической системы русского языка и обеспечивает воспроизводимость таких единиц даже в условиях изменения круга чтения.

Список источников

1. *Чернейко Л.О.* Как рождается смысл: смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М. : Гнозис, 2017. 206 с.
2. *Дядечко Л.П.* Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев : ИПЦ «Киевский университет», 2002. 183 с.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. М. : Азъ, 2006. 955 с.
4. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. Новосибирск : Наука, 1995.
5. *Академический словарь русской фразеологии* / А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко. М. : ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.
6. *Шулежкова С.Г.* Словарь крылатых выражений из области искусства. М. : Азбуковник, Русские словари, 2003. 430 с.
7. *Дядечко Л.П.* Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М. : Словари XXI века, 2019. 624 с.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. *Черняк В.Д., Сидоренко К.П., Носова Е.П.* Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы. Опыт словаря / отв. ред. В.Д. Черняк. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 216 с.
10. *Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. М. : URSS, 2018. 272 с.
11. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
12. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб. : Нева, 2005. 800 с.
13. *Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П.* Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова. («Горе от ума») / под общ. ред. К.П. Сидоренко. М. : ОЛМА медиа групп, 2009. 800 с.
14. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова : словарь. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2018. 786 с.
15. *Черняк В.Д., Ли Х.* Прецедентные феномены: между книгой и мультфильмом // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2020. № 196. С. 223–229.
16. *Шулежкова С.Г.* Не смешите мои подковы!: словарь крылатых выражений из мультфильмов. Магнитогорск : Магнитогор. Дом печати, 2018. 179 с.

17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
18. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 216 с.
19. Носова Н.П., Черняк В.Д. Вспоминая детство... (об одном типе прецедентных феноменов в политическом дискурсе) // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 33–42.
20. Черняк В.Д., Носова Е.П. Прецедентные феномены, мотивированные детским чтением в заглавиях массовой литературы // Печать и слово Санкт-Петербурга : сб. науч. тр. СПб. : СПбГУПТД, 2018. С. 294–299.

References

1. Cherneyko, L.O. (2017) *Kak rozhdaetsya smysl: smyslovaya struktura khudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie printsipy ee modelirovaniya* [How meaning is born: the semantic structure of a literary text and the linguistic principles of its modeling]. Moscow: Gnozis.
2. Dyadechko, L.P. (2002) *Krylatye slova kak ob"ekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost'* [Winged words as an object of linguistic description: history and modernity]. Kyiv: IPTs "Kievskiy universitet".
3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and 7,500 phraseological expressions]. Moscow: Az".
4. Fedorov, A.I. (1995) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 volumes]. Novosibirsk: Novosibirsk department of the publishing house "Nauka".
5. Baranov, A.N., Voznesenskaya, M.M., Dobrovol'skiy, D.O, Kiseleva, K.L. & Kozerenko, A.D. (2015) *Akademicheskii slovar' russkoy frazeologii* [Academic dictionary of Russian phraseology]. Moscow: LEKSUS.
6. Shulezhkova, S.G. (2003) *Slovar' krylatykh vyrazheniy iz oblasti iskusstva* [Dictionary of popular expressions from the field of art]. Moscow: Azbukovnik, Russkie slovari.
7. Dyadechko, L.P. (2019) *Slovar' krylatykh slov i vyrazheniy nashego vremeni* [Dictionary of winged words and expressions of our time]. Moscow: Slovari 21 veka.
8. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow: School "Yazyki russkoy kul'tury".
9. Chernyak, V.D., Sidorenko, K.P. & Nosova, E.P. (2021) *Kroshka syn k ottsu prishel: Pretsedentnye imena i vyskazyvaniya iz detskoj literatury. Opyt slovary* [Little Son Came to His Father: Precedent Names and Sayings From Children's Literature. An Experience of a Dictionary]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
10. Kuz'mina, N.A. (2018) *Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noy interpretatsii* [Intertext: theme with variations. Phenomena of culture and language in intertextual interpretation]. Moscow: URSS.

11. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
12. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2005) *Shkol'nyy slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina* [Pushkin's School Dictionary of Popular Expressions]. Saint Petersburg: Neva.
13. Mokienko, V.M., Semenets, O.P. & Sidorenko, K.P. (2009) *Bol'shoy slovar' krylatykh vyrazheniy A.S. Griboedova. ("Gore ot uma")* [Big Dictionary of Popular Expressions Griboedov. ("Woe from Wit")]. Moscow: OLMA Media Grupp.
14. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2018) *Krylatye slova basen Ivana Andreevicha Krylova: Slovar'* [Winged words of the fables of Ivan Andreevich Krylov: Dictionary]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
15. Chernyak, V.D. & Lee, H. (2020) The precedent phenomena: between a book and a cartoon. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 196. pp. 223–229. (In Russian).
16. Shulezhkova, S.G. (2018) *Ne smeshite moi podkovy!/: slovar' krylatykh vyrazheniy iz mul'tfil'mov* [Don't make fun of my horseshoes!/: Dictionary of popular expressions from cartoons]. Magnitogorsk: Magnitogorskiy Dom Pechati.
17. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
18. Karaulov, Yu.N. (2007) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: LKI.
19. Nosova, N.P. & Chernyak, V.D. (2016) Remembering the childhood ... (one type of precedent phenomena in political discourse). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (56). pp. 33–42. (In Russian).
20. Chernyak, V.D. & Nosova, E.P. (2018) Pretsedentnye fenomeny, motivirovannye detskim chteniem v zaglaviyakh massovoy literatury [Precedent Phenomena Motivated by Children's Reading in the Titles of Mass Literature]. In: Lisenko, D.A. (ed.) *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga* [Press and Word of St. Petersburg]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Technology and Design. pp. 294–299.

Сведения об авторах:

Черняк Валентина Даниловна – профессор, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vdcher@yandex.ru

Сидоренко Константин Павлович – профессор, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sidorenko274@yandex.ru

Носова Елена Павловна – канд. филол. наук, учитель русского языка и литературы гимназии 205 (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: elena.awesome@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Valentina D. Cherniak, Dr. Sci. (Philology), professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vdcher@yandex.ru

Konstantin P. Sidorenko, Dr. Sci. (Philology), professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorenko274@yandex.ru

Elena P. Nosova, Cand. Sci. (Philology), Gymnasium 205 (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: elena.awesomenights@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.11.2021;
одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.*

*The article was submitted 23.11.2021;
approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит четыре раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – С.С. Земичева.

E-mail: lexikograph2020@yandex.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2022. № 24

Редактор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 06.06.2022 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 7,1; усл. печ. л. 6,6. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5047.

Дата выхода в свет 20.07.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru